

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет
«Учреждение Российской академии образования
«Уральское отделение»

Логиновских Т.А.

Социальный эксперимент как форма инновационной практики

Монография

Екатеринбург

РГППУ

2011

Логиновских Т. А.

Социальный эксперимент как форма инновационной практики: монография Логиновских Т. А. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та. 2011. 119 с.

В монографии рассматривается понятие социальный эксперимент, структура, типы социальных экспериментов. Подчеркиваются утопические и реалистические аспекты в социальных экспериментах, идеалообразование как механизм формирования социальных экспериментов, значение социальных экспериментов как формы инновационной практики.

Рецензент: доктор философских наук, профессор Д. В. Пивоваров (ГОУ ВПО Уральский Федеральный университет).

© ФГАОУ ВПО «Российский
государственный профессионально-
педагогический университет», 2011.
©Логиновских Т. А., 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Материальное и идеальное в социальном эксперименте	14
§1. Социальный эксперимент как форма преобразования общественных отношений в обществе.	15
§2. Общественный идеал в структуре социального эксперимента.	34
ГЛАВА II. Реалистическое и утопическое в социальном эксперименте.	44
§1. О критериях реалистического и утопического.	44
§2. Реалистический и утопический эксперименты в сфере общественных отношений: различие их идейной основы, структуры и функций.	51
ГЛАВА III. Реалистический аспект утопического эксперимента и утопический аспект реалистического эксперимента в сфере общественной жизни.	77
§1. Реалистический аспект утопического эксперимента.	78
§2. Утопический аспект реалистического эксперимента.	86
§3. Об основных тенденциях эволюции социального эксперимента.	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	107
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.	110

Введение

Стремление к лучшей жизни заставляет людей искать идеалы и реализовывать их на практике. На этом пути возникали коммуникативные эксперименты, корни которых уходят в глубокую древность. Со временем социальный эксперимент становится предметом особой научной рефлексии, вычленяется теоретической мыслью в форме специфического метода познания и совершенствования общественных отношений.

По своему характеру социальные эксперименты могут быть реалистическими и утопическими, по-разному моделируя прогнозируемые состояния будущего общества, его потребную динамику и структуру. Трудно провести четкий водораздел между "утопическим" и "реалистическим" в исторически осуществлявшихся социальных экспериментах; вместе с тем в некоторой степени их можно различать посредством анализа тех идеалов и целей, которые воплощались в жизнедеятельности намеренно создаваемых коммун, экспериментальных общин и иных искусственных социальных структур.

Ныне в восточно-европейском регионе и нашей стране происходят принципиальные изменения, вызванные не только объективно-реальными причинами (исчерпыванием внутренних ресурсов административно-командной системы), но и причинами субъективного порядка – в том числе и теми, которые связаны с сознательным проведением широкомасштабных социальных экспериментов. Подобные эксперименты, какими бы рациональными целями они ни руководствовались, всегда сопровождаются более или менее сильными иррациональными эффектами. Глубокий экономический, политический и идеологический кризис, поразивший бывший СССР, наводит на размышление о противоречивой – конструктивно-деструктивной природе социального эксперимента. Социальный эксперимент, если он проводится достаточно энергично и широко, одновременно является критерием истинности или порочности воплощаемой социальной программы и средством практического преобразования наличной

социальной действительности. Все эти особенности социального эксперимента обуславливают актуальность его исследования в диалектико-философском ключе.

Актуальной данная проблема оказывается также в связи с решением вопросов о характере экстраполяции итогов социального эксперимента на более широкую социальную реальность, об изменении свойств субъекта-экспериментатора и о роли социального эксперимента в формировании нового тотального качества общества.

Сколь бы ни была актуальна проблема социального эксперимента в нынешних условиях нашей страны, ее философское исследование не должно подменяться публицистикой и скороспелыми оценками текущего момента, конъюнктурными обобщениями. Массовый психологический шок, вызванный освещением негативных последствий октября 1917 года для России, пока препятствует спокойному постижению исторической правды и взвешенным оценкам как большевистских экспериментов, так и независимой от этих экспериментов естественно-исторической динамики социалистических преобразований. Поэтому для выработки диалектической модели социального эксперимента предпочтительна известная отдаленность от остро политизированной проблематики послеоктябрьской советской истории и от сугубо негативных интерпретаций событий последних десятилетий в СССР. Необходим иной исторический материал, размышления над которым помогли бы увидеть взаимосвязь утопического и реалистического в социальном эксперименте и построить такую его общезначимую философскую модель, которая имела бы методологическую ценность, в частности, для осмысления современной отечественной истории.

Термин "эксперимент" заимствован из естественных наук. Можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что все общие признаки,

свойственные естественнонаучному эксперименту, присущи также социальному эксперименту (Р.В. Рывкина, А.В. Винокур).¹

Принципиально важно, что социальный эксперимент, будучи особым методом познания, оказывает реальное воздействие на жизнь людей, способен изменять субъектно-объектные свойства человека.

В понятии социального эксперимента отражена вся эволюция данного феномена – от коммуникативных экспериментов до сложнейших реалистических экспериментов в различных сферах социальной жизни.

Социальный эксперимент может быть охарактеризован как эмпирический метод исследования, так как ”он необходимо предполагает наблюдение и предметно-орудийную практическую деятельность по изменению предметов материального мира”.² Создание материальных условий, изменение их или даже обнаружения сходных, требующих необходимых признаков экспериментального метода.³

Общезнакомая проблематика социального эксперимента в процессе социального познания, включая ее гуманитарно-ценностные аспекты, разработана в трудах А.Н. Аверина, В.С. Барулина, А.П. Белик, Н.В. Бойченко, А.В. Винокур, В.Б. Голофаст, В.М. Духанина, З.В. Кагановой, В.В. Кима, В.В. Налимова, Г.А. Орехановой, П.Е. Сивоконь, Ю.Г. Сурмина, А.А. Хагурова, С.А. Яцкевича и других.

Существуют самостоятельные исследования специфики проведения социального эксперимента в той или иной конкретной сфере социальной действительности (эксперименты в экономике, педагогике, социологии, психологии). Имеем в виду публикации М.И. Алексева, Ф.М. Бородкина,

---

¹ См.: Рывкина Р.В., Винокур А.В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968. С.15

² Куприян А.П. Проблема эксперимента в системе общественной практики.- М., 1981. С. 28.

³ См.: Куприян А.П. Проблема эксперимента в системе общественной практики. – М. 1981. С. 28

М.И. Кузнецовой, А.П. Куприяна, А.М. Леонтьева, А.С. Макаренко, И.И. Матюнина, А.И. Пригожина, В.А. Сухомлинского и др.

В работах указанных авторов подробно описаны схемы соответствующих экспериментальных действий, но эти схемы недостаточно, с нашей точки зрения, философски осмыслены и обоснованы, а методологическая роль социального эксперимента в исследовании общественных отношений выявлено слабо. Этот недостаток частично восполнен в текстах, посвященных анализу социальных отношений в обществе, роли социального эксперимента как формы преобразования общественных отношений – диалектика социальных отношений вскрывается в них путем анализа различных форм социального познания и действия. Речь идет о публикациях Ю.П. Андреева, Г.А. Антипова, А.В. Гайды, А.Ф. Еремеева, О.Н. Жеманова, В.Б. Житенева, В.Е. Кемерова, А.М. Кочергина, В.А. Кутырева, А.М. Корщупова, Л.Б. Логуновой, К.М. Любутина, В.В. Мантатова.

Интересным и перспективным представляется нам ряд теоретических исследований, связанных с постижением таких инновационных процессов в обществе (т.е. творческих и целенаправленных изменений социума), в которых социальный эксперимент – важнейший инструмент их реализации (А.Н. Аверин, М.И. Алексеев, А.И. Пригожин, Б.В. Сазонов, А.А. Хагуров, С.А. Яцкевич). Но пока подобных работ немного. Заметим, что разработкой концепций инновационных процессов давно и успешно занимаются в ряде западных стран, а прикладные последствия некоторых этих концепций эффективно сказываются на эволюции общества в целом. Движение под лозунгом социальных инноваций инициируется группами западных социологов, психологов и общественных деятелей, их клиентурой же являются «люди организаций: бизнесмены, служащие государственных учреждений, работники в сфере образования и культуры».

По мнению основателя теории инновационного развития Йозефа Шумпетера, инновация является созидательным разрушением, и, чтобы

определить степень разрушения и созидания, требуется время и особая культура восприятия новшеств.

Некоторые авторы (например, Москвич Ю.Н.⁴) утверждают, что инновационная культура требует иной философии жизни, иного восприятия времени и пространства, что кризисные ситуации особенно благоприятны для новшеств, когда потребности в преобразовании социальной реальности обостряются до предела. И. Шумпетер утверждает, что инновация всегда является реакцией на кризис, нет кризиса, нет желания его преодолеть, нет возможности реализации нововведений. Соглашаясь с автором о взаимосвязи кризисных явлений и потребностью в нововведениях, нельзя, на наш взгляд, инновационный процесс сводить только к кризисным ситуациям.

Отметим две особенности инновационного процесса, которые, по мнению Москвича Ю. Н., ускользают из внимания исследователей: первая состоит в том, что сама креативная идея не является инновацией, она становится инновационной, если, пройдя через все стадии инновационного процесса (в том числе педагогический эксперимент), она превращается в инновационный продукт; вторая особенность инноваций состоит в том, что главным субъектом инноваций становится не сам творец идеи, а так называемый куратор инновационного процесса.

На наш взгляд, проблема практической применимости теории социального эксперимента как инструмента познания и развития инновационных процессов требует дальнейшего теоретического обсуждения и конкретно-исторических оценок.

В настоящий период все больше начинают изучать феномен утопического социального эксперимента, его места и роль в историческом прошлом и настоящем нашей страны и других стран Европы и Америки. Существует обширная литература по утопии. Как отмечает русский

---

⁴ Москвич Ю. Н. Инновационное общество как реальность: ожидание чуда и новые тревоги. - Новая социальная реальность глобального мира. Красноярск, 2008. –5с..

исследователь В.В. Святловский, ”число известных ныне произведений типа утопий доходит почти до двух тысяч”⁵.

Скорее всего, утопические социальные эксперименты составляют особую группу социальных экспериментов; их отличает функциональная и организационная неповторимость. Специфике утопических экспериментов посвящены работы Э.Я. Баталова, А.И. Володина, А.И. Клибанова, В.В. Святловского, В.А. Чаликовой, В.П. Шестакова и др. вместе с тем далеко не все аспекты социального утопического эксперимента изучены в достаточной степени: среди нерешенных остаются проблемы формирования утопического идеала и механизма практической реализации утопических идей. Историческая наука знает немало примеров претворения в жизнь утопических экспериментов. Эффективность и стабильность социальной структуры подобных экспериментов детерминирована целым рядом обстоятельств, условий и причин, до конца не исследованных и поныне. Сложность понимания феномена осуществленной утопии вызывается, в частности, трудностью в обнаружении взаимосвязи между сущностями социализма и утопии. Анализ названной проблемы предпринимался Э.Я. Баталовым, В.А. Чаликовой, И. Шаваревичем, Е. Шацким и др.

Цель исследования заключается в обосновании идеи, согласно которой понятия ”чисто” утопического и ”чисто” реалистического эксперимента находятся в слабом соответствии с общественно-исторической практикой. Эти понятия – некритические абстракции, у которых, тем не менее, есть некоторые объективные основания: существует несколько представительных примеров сравнительно ”чистых” утопических и реалистических экспериментов. При внимательном анализе в каждом осуществившемся социальном эксперименте обнаруживаются как моменты утопии, так и реальности, хотя и в разных пропорциях.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

---

⁵ Святловский В, В. Каталог утопий, - М., 1923, 41 с.

Раскрыть сущность и природу понятия «социальный эксперимент»;

Дать философский и социальный «портрет» инновационной практике;

- 1) рассмотреть процесс идеалообразования в структуре социального эксперимента, его онтологическое содержание и формы реализации в различных классах социальных экспериментов;
- 2) исследовать социальный эксперимент в соответствии с классификацией его на утопический и реалистический, определив различия идейной основы, структуры и функций утопической и реалистической разновидностей эксперимента;
- 3) проанализировать реалистический аспект утопического эксперимента и утопический аспект реалистического эксперимента, их противоречивую взаимосвязь и взаимное проникновение;
- 4) определить основные тенденции эволюции социального экспериментирования как формы инновационного процесса.

В своем исследовании мы опираемся на современные выводы специалистов в области диалектики социального познания и сферы методологии научного поиска, на исследования по проблемам утопии и утопического мышления, а также на соответствующие публикации источников по истории русской утопии, утопического движения на Западе, а также на современные исследования по проблемам инноваций в различных областях практической и теоретической деятельности.

Идейным истоком эксперимента как метода познания природы, а впоследствии и общественных отношений) является философия Ф. Бэкона, теоретические положения которой использованы в работе.

Автор исходил в своей работе также из классических идей Н. Бердяева, Г. Гегеля, И. Канта, К. Маркса, Т. Мора, П. Новгородцева, Платона. В процессе исследования использовались некоторые журнальные и газетные статьи, теоретически освещающие природу утопических и реалистических экспериментов, инновационные процессы в различных сферах человеческой жизни и научно –теоретической деятельности. Важное значение для

проведения исследования имели также методологические инструменты, такие как принцип восхождения от абстрактного к конкретному, метод моделирования, принцип диалектического анализа общественных явлений, идея определяющей роли практики, конкретно-исторический метод познания.

Научная новизна данной работы суммируется следующими результатами:

во-первых, осуществлена классификация социальных экспериментов на основании доли в них рационального и иррационального содержания;

во-вторых, обосновано, что внутренней сущностью и механизмом развития утопических и реалистических экспериментов является общественный идеал, воплощающийся в альтернативных формах;

в-третьих, показано, что реалистический социальный эксперимент обнаруживает в процессе своего осуществления черты утопии: его утопичность происходит не только из заключений в нем идеи, но и на характере, сопряженного с ним практического действия;

в-четвертых, продемонстрировано, что утопическому эксперименту в той или иной степени свойственен реалистический момент, придающий процессу воплощения утопии в жизнь частичную стабильность и определенную эффективность;

в-пятых, рассмотреть инновации в онтологическом и гносеологическом аспектах как формы социального экспериментирования на современном этапе в процессе научного и философского поиска.

Положения и выводы данной работы могут быть использованы в дальнейшей разработке теории диалектического противоречия, проблем теории социального познания и действия, способов и методов моделирования общественных отношений с целью более эффективного регулирования общественных явлений и управления ими.

Метод социального эксперимента может рассматриваться как важное средство измерения истинности и практической применимости теорий общественного переустройства.

Прикладным потенциалом обладает концепция об утопическом и реалистическом в социальном эксперименте в связи с рассмотрением инновационных процессов в обществе и проблемой экстраполяции локальных нововведений на более широкие социальные сферы.

Во всем мире большое значение придается вопросам научного социального прогнозирования, разрабатываются различные доктрины и теории проектирования будущего. В нашей стране уделяется недостаточно внимания подобным разработкам. Вероятно, теория социального эксперимента может стать составной частью общей теории социального прогнозирования.

Наконец, выводы об утопических экспериментах, сформулированные в данной работе, могут быть использованы при изучении такого сложного духовно-практического феномена, как утопия.

Структура исследования определяется его целью и задачами; текст состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. МАТЕРИАЛЬНОЕ И ИДЕАЛЬНОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ.

Обосновывая важную роль экспериментирования, английский философ XVI столетия Фрэнсис Бэкон писал: ”подобно тому, как каждый может продвигаться на своем пути трояким образом: или идти на ощупь в темноте, или держаться за руку другого, потому что сам плохо видит, или, наконец, идти свободно, освещая себе путь, -точно также можно предпринимать всевозможные эксперименты: без всякой последовательности и системы – это чистейшие продвижения на ощупь; когда же при проведении эксперимента следует какому-то определенному направлению и порядку, то это можно сравнить с тем, когда человека ведут за руку: именно это мы понимаем под научным опытом. Подлинный же светоч, который мы упомянули третьим, может дать нам лишь истолкование природы, или новым органом”¹

Приведенная цитата из работы английского философа убедительно доказывает, что на пути к истине в познании явлений природы и общества существует звено, без которого едва ли достижимо истинное знание, и таковым звеном является эксперимент. Сколь верны данные рассуждения об естественнонаучном эксперименте, столь же верны они и о социальном эксперименте.

Познание общества осуществляется многими средствами и способами с целью более глубокого изучения закономерностей развития общества, его свойств и отношений. В конечном итоге целью социального познания является получения знания, использования этого знания для научного и философского анализа перспектив общественного развития. Определенная роль в стратегии поиска истинного социального знания принадлежит социальному эксперименту как специфическому методу познания и освоения социальной действительности с целью решения исследовательских задач по совершенствованию условий, сторон реальной жизни общества или поиска альтернативных форм жизнедеятельности людей.

§1. Социальный эксперимент как форма преобразования общественных отношений в обществе

Социальный эксперимент отличается от других форм и методов социального познания тем, что в нем применяются предметно-практическое преобразования действительности. Но оно применяется не как самоцель, а как средство получения знания. Вместе с тем наблюдается четкое отличие эксперимента от многообразных форм социально-преобразующей деятельности, состоящее в том, что само преобразование его объекта носит вероятностный, гипотетический характер. Практическая деятельность в эксперименте способствует преодолению неопределенности в понимании социальных явлений. Следовательно, социальный эксперимент применим только к тем социальным задачам, разрешение которых невозможно на основе существующего знания, полученного без предметно-практического преобразования объекта.

Специфику социального эксперимента можно правильно понять только при рассмотрении его в системе детерминации общественной практикой и познанием. Будучи средством познания и проверки социальных теорий путем предметно-практического преобразования действительности, социальный эксперимент оказывается обусловленным типом общественного строя, спецификой социальных объектов, методологий и методикой их изучения и преобразования.⁶

Социальный эксперимент как форма деятельности предполагает наличие таких структур как цель и результат. Процесс движения от цели к результату испытывает влияние многих внешних факторов.

В практической деятельности сложно взаимодействует идеальное как цель и материальное как средства и результат деятельности. Результат часто достигается не одним действием, а в процессе последующих актов.

---

⁶ Хагуров А. А. Социальный эксперимент. Ростов-на-Дону.1989, .81 с.

С нашей точки зрения, социальный эксперимент не только специфический метод познания общественной жизни, но и элемент общественной жизни, инициированной в практике общественной деятельности. Любой эксперимент, в том числе социальный, это развитие общественной практики, движение от одного уровня практики к новому, качественно иному уровню практики. Еще один момент необходимо отметить в трактовке социального эксперимента: в переводе с латинского понятия эксперимент означает опыт, проба. Как форма преобразования практики, социальный эксперимент должен способствовать обобщению и накоплению конкретно-исторического опыта. Новое мышление каждой эпохи – это по существу логика социального эксперимента в социально-философском его понимании.⁷ Как форма практически-преобразовательной деятельности, социальный эксперимент имеет определенный механизм реализации цели через систему этапов, составляющих воспроизведение материальных общественных отношений в практике. В результате предметно-практических преобразований изменяются качества подсистем и система в целом.

Еще раз подчеркиваем, что, будучи средством познания и проверки социальных теорий путем предметно-практического преобразования действительности, социальный эксперимент обусловлен спецификой социальных объектов, методологией и методикой их изучения и преобразования. Особенности социального объекта и субъекта эксперимента не могут не оказывать кардинального влияния на целеполагание и преобразование материальных систем. Рассмотрим особенности субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в социальном эксперименте.

Социальные объекты отличаются тем, что они выражают субъективный фактор общества, интересы, цели, идеалы социально-преобразующей

---

⁷ Сурмин Ю. П. Социальный эксперимент как средство познания и преобразования общественных явлений, Вкн.: Социальное познание: принципы, формы, функции. Киев, 1989, 192 с.

деятельности людей. Фактически любой социальный эксперимент направлен на поиск или проверку некоторых идеализированных представлений, воплощающих идеалы равенства, социальной справедливости, организованности. Носителями этих идеалов выступают и обследуемые и исследователи, что повышает творческий потенциал эксперимента, но и приводит иногда к необъективной трактовке результатов. Это определяет необходимость в процессе подготовки и реализации социального эксперимента всесторонне изучить общественное мнение.

Обследуемые явления, включенные в объект эксперимента, выступают и субъектами познавательной и преобразовательной деятельности.

Социальным объектам свойственна принципиальная сложность, полиструктурная и полифункциональная целостность, когда один фактор может привести к многообразным, всесторонним изменениям, не относящимся исключительно данному фактору, а обусловленным также спецификой внутренних, скрытых потенциальных возможностей состояния социального объекта, которые данный фактор лишь привел в действие. Сложной является и социальная причинность как важнейшая детерминанта экспериментального исследования. Для нее, как отмечает Л.И. Чинакова, свойственны субъект-объектная связь, включенность таких звеньев, которых нет в природе: социальных потребностей, интересов, целей и средств, идеальных мотивов и т.п.: причинные связи носят многообразный и индивидуальный характер.⁸

Объект любого социального эксперимента является некоторой моделью более широкого социального процесса, что обусловлено, во-первых, приблизительными, огрубленными, но сущностным выделением объекта эксперимента из среды, вследствие его принципиальной сложности и многообразности взаимосвязи с социальной действительностью; во-вторых, необходимостью распространения результатов на более широкий круг

---

⁸ Чинакова Л. И. Социальный детерменизм: проблема движущих сил развития общества. М., 1985, С.21.т

объектов и процессов. Даже натуральный объект социального эксперимента, который часто строится по правилам статистической выборочности, выступает натурной моделью некоторой области социальной действительности. В-третьих, социальные объекты, выступающими носителями исследуемого качества, органично включены в соответствующие формы жизнедеятельности людей, связаны с реализацией их целей, интересов, жизненных потребностей. В ходе же эксперимента предусматривается предметно-практическое воздействие на них в соответствии с гипотезой, которое может привести к их разрушению или деградации, к возникновению негативных остаточных деформаций. Если в естественнонаучном экспериментировании негативные остаточные деформации приводят только к материальным потерям, то в социальном эксперименте их следствиями могут быть не только материальные потери (недопроизводство продукции, невыполнение плана, снижение производительности труда и т.п.), но и уменьшением организованности и управляемости социальной системы, снижением дисциплины, повышением недоверия к науке, политике, утверждение неправильных мировоззренческих и нравственных установок и т.п. Все выше перечисленные особенности социального объекта в значительной степени определяют возникающие в процессе эксперимента противоречия между рабочей гипотезой и тем результатом, который получает субъект-исследователь. То есть уже сам социальный объект потенциально содержит тенденции к противоречию с тем общественным идеалом, который воплощен в гипотезе.

В отличие от естественнонаучного эксперимента в структуре социального эксперимента необходимо выделить не только субъект-объектные отношения, но и субъект-субъектные отношения и связи. Это необходимо сделать по следующим причинам:

во-первых, выделение субъект-субъектных отношений усиливает роль субъекта-человека в социальном эксперименте, подчеркивает важность психологического фактора в подготовке и проведении социального

эксперимента. На роль и важность психологического фактора мало кто из исследователей обращает внимание. На наш взгляд, это непереносимое условие рассмотрения субъект-субъектных отношений в социальном эксперименте;

во-вторых, объектами в социальном эксперименте выступает множество социальных явлений, различных по своим структурным образованиям, сложности, многовариантности. Это целые научно-технические комплексы, системные образования, материальные модели и т.д. Но существуют за всеми этими объективными образованиями сугубо человеческие отношения как субъектные. То есть, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть особую роль субъекта-человека внутри субъект-объектных отношений. Это осуществляется усилением субъект-субъектных отношений;

в-третьих, выделением особого статуса субъект-субъектных отношений мы хотим подчеркнуть отличие социального эксперимента от естественно-научного. Общим как для субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в социальном эксперименте является момент взаимоотражения, выражающий сложность между объектом и субъектом, с одной стороны, и между субъектами, с другой стороны. Субъект-субъектные отношения на всех этапах становления эксперимента выражает принцип дополнительности к уже существующим субъект-объектным отношениям. Конечно, на всех этапах становления и реализации социального эксперимента главная роль принадлежит субъект-объектным отношениям, так как существует абстрактная схема последовательности операций в эксперименте, где субъект-исследователь, а объект- то, на что направлена деятельность исследователя. В утопических социальных экспериментах субъект, по-видимому, не осознает себя в роли исследователя, он существует совместно с другими людьми в коммуне, участвует в сотворчестве новой исторической реальности. Здесь функционируют, взаимодополняя друг друга (имеется ввиду субъект-объектные отношения), субъект-субъектные отношения.

В социальном эксперименте важен еще один аспект, а именно: выделение эталонного объекта. Эталонный объект - образец, совершенный предмет. Эталонным объектом может быть некоторая социальная реальность, которая отражается в сознании людей в форме идеальных отношений, точнее, в форме совершенных связей и отношений. Эталонным объектом может быть модель какого-либо предмета, либо целого класса предметов.

Подлинную сущность и специфику социального эксперимента как по отношению к практике, так и к естественнонаучному эксперименту, можно выявить исходя из анализа специфики отражения экспериментальных объектов, относящихся к различным формам движения материи.

В естественнонаучных экспериментах объектами являются процессы и явления неживой и живой материи, а проявления ими изучаемых свойств осуществляется в процессе взаимодействия со специальными материальными техническими средствами, используемыми экспериментатором.

Таким образом, во всех естественнонаучных экспериментах без взаимодействия объекта со специально созданными материальными системами или измененными материальными условиями изучаемые свойства не проявляются. Формы отражения, присущие природным объектам, материальной основой имеют механизмы, способные реагировать только на другие материальные объекты.

Отсюда делается вывод о том, что эксперимент имеет черты трудовой производственной деятельности (в промышленности или в сельском хозяйстве) и поэтому якобы возможно перенесение этой черты естественнонаучного эксперимента на социальный процесс, в частности, на практические действия с элементами риска или смелые предприятия.¹

В социальном познании объектами являются процессы и явления реальной жизни общества, связанные с сознательной деятельностью людей. В реальной жизни общества, по Марксу, ”и в действительности, и в голове дан субъект”⁹.

Форма отражения, присущая социальному объекту (социально-психологическое отражение), концентрирующая в механизме второй сигнальной системы, дает возможность реагировать не только на материальные условия и явления, но и на идеальные их образы и действовать по определенной целевой установке субъекта познания – экспериментатора. Объект социального познания обладает способностью коммуникации с себе подобным, не только на вербальном уровне, но и при помощи многообразных и сложных знаковых систем¹⁰. Рассмотрим для примера повторяемость как существенную черту эксперимента. В процессе взаимодействия объекта естественнонаучного эксперимента с неизменными техническими средствами или материальными условиями, создающими экспериментальную ситуацию, исследователь получает, в основном, одни и те же результаты при многократном повторении эксперимента¹¹.

В социальном же эксперименте повторение процессов каждый раз проходит сознательно в измененном виде с учетом ошибок и неточностей действий участников эксперимента на предшествующих этапах, с уточнением на каждом этапе теоретической модели.³

Любой социальный эксперимент наряду с субъект-объектными отношениями, по мнению Хагурова А.А., создает и субъект-субъектные отношения, в которых происходит самопознание субъекта. В субъект-субъектных отношениях активны обе стороны. В социальном эксперименте субъект-субъектные отношения складываются в результате того, что он формирует дополнительно к существующему только ему присущее общение

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т.12, 732 с.

¹⁰ Куприян А. П. Методологические проблемы социального экспериментирования, М., 1971, 135 с.

¹¹ Кузнецов В.П. Эксперимент как метод преобразования объекта, Вестн. Моосков. Ун-та. Сер. философия 1975, №4, 7 с.

его участников. Предметом общения здесь служит экспериментальная деятельность. Отражаясь в сознании участников эксперимента, выступающих в качестве объекта, она опосредует общения субъектов сознания.

В процессе общения происходит взаимопроникновение субъекта и объекта, взаимоотражение свойств, основных параметров субъекта (в данном случае экспериментатора) в объекте экспериментальной деятельности, и наоборот. Механизм взаимоотражения объекта и субъекта в процессе экспериментальной деятельности выражается в форме диалога между субъектом и объектом. Общение между субъектом и объектом носит характер диалога, следовательно, сам социальный эксперимент диалогичен. Социальный эксперимент становится интерактивным (часто повторяющимся)¹².

В практике социального эксперимента «диалог» участников эксперимента порождает необходимость неоднозначного принятия решений и формирует соответствующую структуру эксперимента. В социальном эксперименте повторение процессов каждый раз проходит сознательно в измененном виде с учетом ошибок и неточностей действий участников эксперимента на предшествующих этапах, с уточнением на каждом этапе теоретической модели.

Прежде чем перейти к более подробной характеристике взаимоотражения субъекта и объекта в социальном эксперименте, назовем основные черты субъекта, составляющие специфическую особенность социального эксперимента.

Субъектом социального эксперимента может быть отдельный индивид или коллектив, относящийся к определенному обществу, разделяющие те или иные политические взгляды, имеющие определенные убеждения и ценностные ориентации, обладающие социально-психологическими особенностями. Он включает в себя все те элементы, что свойственны вообще субъективному познанию, но в нем эти элементы находятся в более сложной связи. Причем,

---

¹² Хагуров А. А, Социальный эксперимент. Ростов-на-Дону, 1989. 59 с.

если в естественнонаучном познании цель и задачи эксперимента меньше зависят от указанных особенностей субъекта, то в социальном познании они являются определяющими при постановке эксперимента и обобщении его результатов. Для социального познания совершенно неприемлемо освобождение от многих характеристик субъекта эксперимента, ибо оно неизбежно ведет к искажению социальной действительности.

По мнению В.Е. Кемерова, при движении субъекта, которое мы условно обозначим как движение «вокруг» объекта (главным образом при движении «в глубь» объекта), неизбежной оказывается смена позиции субъекта-исследователя в том смысле, что он, описывая новую грань бытия объекта или более глубокий слой присущих объекту внутренних связей, вынужден использовать (а в некоторых случаях и изобретать) новый понятийный аппарат. Смена позиции исследования чаще может расцениваться просто как преодоление границ узкопрофессионального взгляда на вещи, как привлечение к характеристике объекта знаний из смежных областей науки¹³.

Более сложным вариантом движения субъекта по объекту является тот, в условиях которого исследователь вынужден фиксировать все основные связи, обуславливающие бытие объекта. В этом случае субъект познания, по сути, стремится интегрировать различные образы объекта, формируемые различными научными дисциплинами, а соответственно и устанавливать связь между различными точками зрения на объект¹⁴.

С позиций теории социального отражения рассматривает субъект социального эксперимента В.П. Фофанов¹⁵. Собственно субъектом познавательной деятельности, по его мнению, является не одна, а по меньшей мере, две «взаимодействующие» познающие единицы. Для удобства наложения мы будем говорить о них как о субъекте и контрсубъекте. Взаимодействие

---

¹³ Кемеров В. Е. Системное знание и способы его построения. В кн.: Анализ системы научного познания. Свердловск, 1984. 102 с.

¹⁴ Там же, 102 с.

¹⁵ Фофанов В. П. Социальная действительность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986, 91 с.

субъектов духовной, в том числе научной деятельности (имеется в виду постановка цели, формулировка задач и других мыслительных и практических действий) в ходе подготовки и реализации социального эксперимента – это диалог. В таком диалоге, направленном на приращение знания, каждая из сторон отображает другую, прежде всего через продукт деятельности-«доставляемое» этой стороной знание. В самом деле, для того, чтобы получить новое знание об объекте, необходимо оценить уже существующие знание и способы, которыми оно было получено, с точки зрения его адекватности исследуемому объекту. В конечном счете вскрытие противоречия между знанием и объектом дают толчок в выработке новых познавательных средств, с помощью которых можно получить новое знание об объекте.

Эксперимент есть, в сущности, оперирование с некоторой идеализацией как результатом предшествующей работы теоретического познания¹⁶. Таким образом, диалог в социальном экспериментировании существует не только между субъектом и объектом как результат взаимодействия, взаимопроникновения в процессе общения, когда субъект-экспериментатор ставит цель перед участниками эксперимента, разъясняет ее им, но диалог как механизм взаимодействия и взаимоотражения существует на уровне внутрисубъектном как момент общения между субъектом и контрсубъектом. Отражение должно быть рассмотрено как момент целостного субъект-объектного отношения.

Основной функцией социального отражения является социокультурное программирование социальной действительности. Это означает, что конечный продукт целостного отражения – не просто новые данные об объекте (традиционное понимание, отражающее исследовательский этап развития науки), но информация, являющаяся программой управления определенной деятельностью субъекта¹⁷. Еще раз подчеркнем, что специфическую

---

¹⁶ Фофанов В. П. Социальная действительность и теоретическое отражение Новосибирск, 1986. 101с.

¹⁷ Сагатовский В. Н. Об элементарной системе социального отражения, Вып. №8, Свердловск, 1977. 30 с.

особенность социального эксперимента составляют субъект-объектные отношения, качественно отличающиеся от субъект-объектных отношений в естественнонаучном эксперименте, где лишь субъект обладает активным познавательным действием, заставляя природу «разоблачаться».

Совсем иное дело в социальном экспериментировании, где субъект познания и его объект обладают сознанием, отражательная функция у которого выступает важнейшим фактором раскрытия всего процесса экспериментирования.

На начальном этапе построения цели исследования субъект (это может быть отдельный индивид или целый коллектив) строит свою идеальную модель по образцу идеального объекта, то есть эталона, который сконструирован как некий совершенный фрагмент действительности. Но, здесь, на начальном этапе, он выступает как некий образ-модель, существующий в сознании субъекта-исследователя, либо в знаковой форме, как будущая конструкция преобразования действительности. Момент взаимодействия, взаимоотражения с объектом исследования здесь присутствует в неявной, опосредованной форме. На этапе подготовки эксперимента внутрисубъектные отношения (мы говорим субъекте и контрсубъекте) превалируют над субъект-объектными. Здесь происходит взаимодействие, взаимоотражения между субъектами-исследователями. Взаимоотражение мы трактуем как существенный фактор самодвижения и саморазвития материи¹⁸.

Мы говорим о том, что момент взаимодействия, взаимоотражения присущ не только субъект-объектным отношениям, но и субъект-субъектным отношениям, что соответствует этапу постановки цели, формулированию и выработке гипотезы. Действительно, в процессе диалога как внешней формы общения субъектов в эксперименте, необходимо выработать исследовательскую программу, которая должна быть реализована в процессе

---

¹⁸ Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа Сердловск, 1986. 47 с.

активного диалога с объектом и одновременно в процессе предметно-преобразующей деятельности. Программа проведения эксперимента – это «определенная предварительно намеченная, а затем реализуемая последовательность операций, обеспечивающих решение поставленной задачи»¹⁹.

Исследовательская программа – это рефлексия всей предшествующей теоретической и практической деятельности, итог огромной мыслительной работы ученых многих поколений, опыта практического преобразования социальной действительности, взятый в контексте исторического развития. Основными структурными компонентами исследовательской программы являются: 1) формулировка задачи-гипотезы; 2) разработка методики, выбор методической схемы, определение продолжительности эксперимента; 3) разработка плана создания экспериментальной ситуации, включающей выбор объектов и определения последовательности намеченных экспериментальных процедур²⁰.

Если в вопросе об исследовательской программе в том или ином варианте существует некоторая ясность в нашей литературе, поскольку подробно описаны структурные компоненты исследовательских программ (такие, как гипотеза, методические средства-измерение), то менее всего описан аспект взаимодействия, взаимоотражения (мы отдаем себе отчет в том, что эти два принципа относительно самостоятельны) субъектов познания. Но это очень важный момент, ибо во многом результат эксперимента, да и сам ход реализации исследовательской программы зависит от того, кто проводит эксперимент. Хотя и вопрос, как, какими средствами, безусловно, играет существенную роль. Здесь уместно привести слова Гегеля о том, «что человек делает, таков он и есть, и лживому тщеславию, которое тешится сознанием

---

¹⁹ Рывкина Р. В. Винокур А. В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968, 59 с.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. 311с.

своего внутреннего превосходства, мы должны противопоставить вангельское изречение: «по плодам их узнаем их»²¹.

Необходимо отметить, что исследовательская программа – это, с одной стороны, достижение теоретического и практического опыта субъектов, с другой стороны, – это результат взаимодействия субъектов. Субъект-субъектные отношения предполагают иной статус субъекта, чем субъект-объектные. И в том, и в другом отношении субъект есть приводящий в себя и свое отношение к миру человек, начинающий причинный ряд, творящий новое, то, чего не было до него. Но в субъект-субъектном отношении один является субъектом, другой выступает как объект. Но «другой» – тоже субъект, а, следовательно, по отношению к нему все остальное – объекты. Здесь воспроизводится описанная много раз в философии ситуация, в которой свобода оборачивается произволом, несвободой, а равенство, как писал Гегель, – уравниванием через гильотину²².

Творить другог, как вещь, нельзя. Творить другого – это всегда сотворчество²³. Признание другого субъектом не означает, что следует оставить его в покое, в его «субъектном одиночестве», предоставив ему строить и совершенствовать себя самому. Признать другого, значит, служить ему, добровольно и бескорыстно, в меру его собственного желания помочь ему в совершенствовании самого себя. Другое определения этого значения – самопожертвование. Не каждый достоин того, чтобы его признали субъектом. Признание безличности личностью, субъектом превращает признавшего в объект его произвола, каприза, потребности «иметь». По отношению же к «признанному» это только способно затормозить его духовное развитие. Но для продолжения достойного субъект должен превратить себя в его продолжение, в «средство» не менее важное, чем цель. Диалектика такова, что человек,

---

²¹ Ватин И. В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону. 1984, 115 с.

²² Там же, 117 с.

²³ Там же, 116 с.

превращая себя в объект, утверждает в этом случае себя в качестве субъекта²⁴. Важным, на наш взгляд, является нравственная позиция ученого-исследователя, его человеческие качества, порядочность, компетентность в вопросах профессиональных и в вопросах психологии личности. Мы уже говорили о том, что в естественнонаучном эксперименте от многих личностных качеств субъекта-экспериментатора можно отвлечься, хотя вопрос этот не так прост, как представляется.

Нравственная позиция субъекта-исследователя в социальном эксперименте, его личные качества и свойства характера самым непосредственным образом связаны с ходом реализации поставленной цели, со всем процессом экспериментирования. Социальный эксперимент – это прежде всего общение, диалог с людьми, охватывающий не только систему рационального мышления, но и весь механизм эмоционального фона. Необходимо учитывать динамику чувственного и рационального, конкретное выражение которой находит через диалог, общение.

Деятельность субъекта как сложное, внутренне дифференцированное целое (группа) соотносительно с деятельностью его контрсубъекта, она существует лишь как взаимная деятельность. Реально существует лишь как взаимная деятельность. Реально существует именно взаимодействие субъектов, так что деятельность каждого из них есть составляющая, которая не может быть понята вне данного целого.

Взаимодействие этого имеет исторический характер. Оно зависит от своей истории, воплощенной в снятом виде в опредмеченной деятельности.

Программа реализации эксперимента требует на начальной стадии выбора эталонного объекта. Процесс этот сложный, неординарный, требующий огромной мыслительной работы по созданию мыслительных конструкций образа будущей реальности.

---

²⁴ Ватин И. В. Человеческая субъективность. Ростов-на Дону, 1984. 116 с.

В переводе с французского «эталон» (эталонный объект) означает мерило, образец для сравнений с чем-либо. Мышление человека отражает общие свойства действительности через посредников-заместителей предметов и орудий труда, через знаки языка; знаковый момент свойственен и чувственен образам – ощущениям человека. Схема практического действия репрезентирует в особом материале объект для субъекта. Эталонный образец природы репрезентирует субъекту свойство целого класса вещей и процессов, и в нем соотношение единичного и общего (в функциональном отношении к субъекту) иное, нежели в иных отдельных явлениях. Везде в этих случаях мы обнаруживаем отражение субъектом объекта с помощью репрезентантов объекта, а это уже не обычное отражение, понимание как атрибут материи. Это отражение непременно связано с представительством общих или всеобщих свойств в сравнительно явном виде, причем оно пронизывает целостное отношение субъекта и объекта. Понятно, что языковый знак может иметь функцию представительства только тогда, когда есть его интерпретатор (субъект) и когда можно установить референт знака (объект). Аналогично обстоит дело в случаях с такими представителями объекта, как схема действия и эталон-предмет²⁵. Совершенные образцы природы начинают выполнять функцию эталона рода вещей именно в субъект-объектном отношении, хотя их качество совершенство может не зависеть от этого отношения, а быть может природной предпосылкой самого проявления особого отражения с репрезентацией во всех трех элементах субъект-объектного отношения и есть логика развития об идеальном²⁶. Эталон не содержит в себе всего вещества представляемых им предметов и в этом смысле похож на «материально-практический образ (копию) объекта» и на «субъективный образ сознания»²⁷. Сама обобщенная схема практического действия, интериоризирующая вследствие в образ сознания, в свою очередь имеет причину своего происхождения в выборе человеком для удовлетворения своих потребностей и

---

²⁵ Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа. Свердловск, 1986. 15 с.

²⁶ Там же, 18 с.

²⁷ Там же, 18 с.

познания окружающего мира, прежде всего эталонных (образцовых, совершенных) предметов, концентрирующих в себе свойства вещей и процессов. Оперирование с такого рода эталонами формирует схему действия.

Итак, в структуре социального экспериментирования необходимо выделение объекта - эталона, выражающие общие свойства вещей и процессов, обладающего качественно новой, высшей структурной организацией, более совершенной формой, максимумом практической полезности, в соответствие с которой приведена вся система действия субъект-объектных отношений.

Необходимо отметить, что в какой-то мере эталонный объект создает противоречащую ситуацию в реальной социальной жизни. Эталонный объект и социальный объект (то есть те реальные объективные связи и явления социальной жизни, на которые направлены экспериментальные действия) далеко не одно и то же.

В самой предметно-преобразовательной деятельности объект представляет собой противоречивое системное образование. Иначе говоря, неоднозначные реакции на экспериментальную ситуацию, индивидуальность, неповторимость человеческой природы, непредсказуемость социальных событий в обществе – все указанные факторы в своем системном образовании усиливают тенденции к противоречию в экспериментальной деятельности, как форме практики. Воплощенные цели, идеализированные представления в ходе реализации их практике (в практике социального экспериментирования) не совпадают с результатами эксперимента, а порой противоречат им. Отсюда негативные результаты и «провал» эксперимента. Примеры некоторых утопических экспериментов наглядно иллюстрируют данный тезис. Как свидетельствует история, утопическая община являет собой попытку реализовать свой жизненный идеал, порвав с историей, с реальным временем и пространством. Ибо утопическая община, по определению, ориентирует на следование таким целям, принципам и нормам, которые, отвечая представлениям членов общины о «подлинном» обществе, «подлинных» отношениях, не соответствуют

господствующим в обществе целям, принципам и нормам. Сами утописты критериям научности своих систем считали их соответствие «истинной природе человека».

Таким образом, социальный эксперимент является формой преобразования общественных отношений. Наличие таких компонентов, как целеполагание, преобразование материальных систем, предметно-чувственный характер характеризует социальный эксперимент как форму практики. «Как продукт природы и общественных отношений человек выступает в практике, прежде всего со стороны своей предметности. Предметность означает не только природность, телесность человека, материальность индивида, сознательного слоя класса и общества как социальных субстрактных образований. Предметность обозначает также материальные взаимодействия внутри объекта предметной деятельности, изменения, преобразования природных и социальных предметов, структур под воздействием человека»²⁸.

Сформулируем некоторые выводы.

1. В социальном эксперименте, помимо традиционно выделяемой схемы субъект-объект, существуют субъект-субъектные отношения, основанные на взаимоотражении, взаимодополнении друг друга. Субъект-объектные и субъект-субъектные отношения не исключают друг друга, скорее, дополняют и развивают. Представляя схему субъект-объект как ограниченную, недостаточную для такого социального явления как социальный эксперимент, следует ведением схемы «субъект-субъектные отношения» подчеркнуть сложность взаимосвязи, взаимозависимости человеческих отношений и реакций на изменения их деятельности по улучшению и совершенствованию определенных сторон общественной жизни.

2. Гносеологической основой объект-объектных и субъект-субъектных отношений являются специфические особенности социального отражения,

---

²⁸ Алексеев П. В. Практика, её сущность и структура. Вестн. Москов. Ун-та. 1988, №3.31 с.

концентрирующиеся в механизме второй сигнальной системы, что делает возможность реагировать субъекту не только на материальные условия и явления, но и на идеальные их образы и действия по определенной целевой установке субъекта познания-экспериментатора.

3. В сложной иерархии взаимоотношений «субъект-объект и субъект-субъект» порой трудно определить грань их различия. На этапе подготовки программы эксперимента субъект-объектные отношения предстают как приоритетные, поскольку субъект-экспериментатор ставит задачу, объясняет ее в доходчивой форме группе, коллективу, либо отдельному человеку, ориентируясь на эталонный объект. В процессе реализации исследовательской программы происходит, на наш взгляд, взаимопроникновение субъект-объектных и субъект-субъектных отношений на основе взаимоотражения.

Субъект-экспериментатор на данном этапе не просто наблюдатель за ходом реализации намеченной цели, но и активный соучастник эксперимента. Он общается с объектом (субъектом), активно включается в диалог с людьми, исследует эмоциональное состояние, поведение людей, по мере необходимости корректирует намеченные задачи, то есть субъект-экспериментатор становится активным соучастником экспериментальной ситуации, «вливаясь» в нее, приобретая функции объекта эксперимента. Весь экспериментальный процесс в социальном познании - это не просто творческий процесс, а скорее, сотворчество, где субъект-объектные и субъект-субъектные отношения переплетаются, динамически переходя из одной социальной подсистемы в другую.

4. Специфической особенностью субъект-субъектных и субъект-объектных отношений является необходимость учета психологического фактора в процессе социального экспериментирования. Во многих исследованиях, посвященных различным формам социального экспериментирования, мало учитывается или совсем не учитывается данный фактор, главное внимание уделяется технологической стороне эксперимента,

анализу результатов, полученных в ходе проведения эксперимента. Отсюда, на наш взгляд, неэффективность ряда экспериментов.

Психологический фактор необходимо учитывать с момента подготовки эксперимента. Он уже – неотъемлемая часть в формировании исследовательской программы. Индивидуальные психологические особенности в исследуемой группе оказывают существенное влияние на реакцию людей в процессе активной реализации исследовательской программы. Настроение людей, зависящие объективно как от факторов окружающей среды, так и от внутреннего состояния индивида: привычки, жизненный опыт, особенности психики. А.Н. Леонтьев настаивал на том, что деятельность в той или иной форме входит в сам процесс психического отражения, в само содержание этого процесса, его порождение²⁹. По мнению выдающегося психолога Леонтьева: «психология человека имеет дело с деятельностью конкретных индивидов, протекающей или в условиях открытой коллективности – среди окружающих людей, совместно с ними, или с глазу на глаз с окружающим предметным миром – перед гончарным кругом или за письменным столом»³⁰. Еще раз подчеркнем, что в социальном экспериментировании как способе познания социальной действительности индивидуальный подход предполагает знание психологических особенностей личности, проявляющихся при экспериментальной деятельности порой совершенно иным способом, чем в обычной жизненной ситуации.

Учитывая все выше перечисленные обстоятельства, отражающие специфические особенности субъект-объектных и субъект-субъектных отношений с социальном эксперименте, необходимо отметить, что еще одной специфической особенностью социального эксперимента является общественный идеал как своеобразная форма отражения реальной действительности в сознании человека, как некий ценностный духовный феномен.

---

²⁹ А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. 42 с.

³⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, 83 с.

§ 2. Общественный идеал в структуре социального эксперимента.

Субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействия являются тем стержнем социального эксперимента, который, во-первых, отражает специфику социального эксперимента, его отличие от естественнонаучного, во-вторых, является той сущностью, которая «скрывает» противоречие. На определенном этапе реализации исследовательской программы эти противоречия обнаруживают себя через несогласованность, несовпадение цели исследования и реализацией этой цели в практике. Как данное противоречие возникает? Для этого необходимо обратиться к анализу целеполагания в социальном эксперименте.

Общественный идеал, на наш взгляд, связан с поисковой функцией сознания, с поиском некоей неосвоенной реальностью, с предметом отражения, не имеющим аналога в действительности, но имеющего свой идеальный образ как некую мысленную конструкцию. Мысленная модель идеального социума, основанная на абстрактных объектах, в сознании исследователя – теоретика воплощается в творческие конструкции – идеалы в форме утопий, мечты, а также вполне здравого рационального конструирования будущей социальной реальности в форме прогностических программ, конструктивных планов и прогнозов, деловых игр, инновационных моделей в сфере образования, медицины, науки, экономики.

Мысленная модель идеального социума в сознании исследователя-практика воплощается в различных формах активного экспериментирования в практике.

В основе общественного идеала – процесс конструирования некой совершенной социальной реальности в форме образов - желаний, представлений, воображения. Некоторые авторы считают, что утопизм в первую очередь представляет собой превращенную форму или способ выражения социальных идеалов.³¹

Человек всегда мечтал об идеальном устройстве общественной жизни. Его жизнь есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда; на завтра или через несколько лет, словом, во всяком случае, вскоре в будущем все изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь, весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день для жизни не в счет. Это настроение мечтательности и его отражение на нравственности, это нравственная серьезность, презрение и равнодушие к настоящему и внутренне лживая, неосновательная идеализация будущего – это духовное состояние и есть ведь последний корень той нравственной болезни, которую мы называем революционностью, и которая загубила русскую жизнь»³². И далее, «осуществление каких-то освященных давними традициями – разумных общественно – политических форм жизни, становится единственным делом, осмысляющим жизнь, общим ответом на вопрос – что делать?»³³

Сознание человека в вечном поиске идеальной модели переустройства общества. Характерно, что этот поиск ведут не только в России, но и Америке, в Китае, в других странах и континентах.

---

³¹ Бакулов В. Д. Утопизм как превращенная форма выражения социального идеала. – Вестник РФО, 2002. №4. 133 с.

³² Франк С. Л. Смысл жизни. Вопросы философии. 1990, №6. 70 с.

³³ Там же, 41 с.

Но речь сейчас идет не об этом. Общественный идеал как некое духовное образование, как некая мысленная модель будущего выражает соотношение человека и общества, это соотношение субъекта к объекту (в данном случае объект мы рассматриваем более расширительно, чем в предыдущих разделах, объект – как системное образование, общество).

Идеал – образ будущего, выражение должного в сущем, надлежащего в наличном бытии. Это целостный образ деятельности, взятый в той среде, как она должна была бы осуществиться³⁴.

Приведем схему – исторические «шаги», этапы общественного идеала.

1. Идеал в форме мечты угнетенных масс о счастливом будущем, где нет эксплуатации, а труд справедливо вознаграждается. Это традиционные легенды о «неведомой стране», «невидимом граде», «земле обетованной», «золотом веке» и т.д. Здесь идеал выступает в виде яркого чувственного образа, имеющего выраженную эмоциональную окраску. Идеал-мечта чаще всего выполняет компенсаторную «утешительную» функцию, реже – социально-организаторскую.

2. Идеал в форме идеи. Это переход идеала с уровня социальной психологии на уровень теоретического сознания, идеологии. Здесь идет процесс очищения идеала-мечты от эмоциональности, мифологичности. В мечте выделяется основное центральное звено и обобщаются в виде идеи, которая может выступать целью социально-теоретической деятельности людей, и фактором, организующим такую деятельность. В идее – в адекватной форме или неадекватной – отражается основное противоречие действительности, которое заинтересованный класс желает разрешить в свою пользу, например: идея освобождения крестьян с землей, идея равенства, идея обязательности труда для всех, идея «мудрого и доброго правления» и т.д.

---

³⁴ Давидович В. Е., Золотухина-Аболина Е. В. Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии: структура и функции. Свердловск, 1986. 130 с.

3. Идеал, выступающий в виде идеи, но обоснованный теоретически, превращается в теорию - научную или ненаучную. В теории идеал выступает как система идей. Задача теоретического обоснования в том, чтобы обнаружить реальные связи между идеалом и действительностью, показать возможность превращения идеала в действительность. Исходным моментом в обосновании идеала является философское мировоззрение, в зависимости от него мыслитель либо идет к действительности от идеала, «судит» сущее с точки зрения должного, либо пытается соединить идеал с действительностью, исходя из приоритета последней.

Идеал-теория содержит в себе в снятом виде и идеал-мечту, и идеал-идею.

Чтобы идеал мог стать материальной силой, преобразующей общество, он должен быть соединен со своим социальным субъектом. Это становится возможным потому, что в общественном идеале находят свое отражение неудовлетворенные социальные потребности определенных групп населения и потребности общества в новациях.

Общественный идеал – это представленное в законченной и совершенной форме тенденции самой действительности³⁵. «Идеал – это рефлексия объективно-идеализированного эквивалента времени в проекции на вечность, тогда как утопия таких оснований не имеет»³⁶. И далее, «там, где безусловность идеала снижается до условности, уступая место разочарованием, скептицизму и неверию, там рождаются утопии. Главное свойство утопии не в том, что их проекты принципиально неосуществимы, а в то, что утопии иронизируют над настоящим, где нет никаких предпосылок для их реализации в будущем. Философия безнадежного оптимизма, используемая утопиями

---

³⁵ Железняк В. С. Общественный идеал и социально-историческая деятельность. Свердловск, 1989, 105 с.

³⁶ Лучанкин А. И. Идеал и утопия. В кн.: Идеальное как продукт исторического развития человечества. Свердловск, 1989. 109 с.

проекта: исход настоящего трагичен, если, например, не вернемся к старому, доброму времени, где все равны, бедны, но радостны. Или, если не ограничим наши потребности сегодня, завтра все равно начнем ограничивать. Короче, логика «если» напрямую проистекает от желания сослагательного наклонения в истории: утопия – суть предчувствия нового идеала, реплика народного сознания на монолог бюрократизированной жизни, когда «развинтилась связь “времен”, а праздник стал праздностью»³⁷.

Не случайно мы привели цитату, где понятия идеал и утопия взаимодействуют друг с другом, одно проникает через другое, взаимодополняя и в то же время взаимоисключая друг друга. Мы ввели эти понятия, чтобы понять смысл и значение, истоки и развитие многочисленных социальных экспериментов, которые являются, по сути, воплощением, реализацией общественного идеала, проверкой истинности его на практике.

Вообще, слово «идеал» с греческого *idea* идея, понятие, представление) означает совершенство, совершенный образ чего-либо; высшая конечная цель стремлений, деятельности. В основе идеала – идея, мысль о лучшем общественном устройстве жизни людей. Мысль о вечном счастливом будущем будоражила людей с момента появления рефлексии на собственном «Я», своем бытии и окружающей природой. Но эта мысль искала выхода во внешнюю среду, искала пути своей объективации. Совершенствовать, изменять окружающий мир в соответствии со своими идеалами – составляет основу социальных экспериментов.

Далее мы остановимся более подробно на том, каким образом общественный идеал воплощается в экспериментальной деятельности, в каких формах и образах. Но, думается, что общественный идеал как духовное состояние (общества) человека, отражающее творческое начало в человеке,

---

³⁷ Лучанкин А. И. Идеал и утопия: проблема социопэтики праздника. В кн.: Идеальное как продукт исторического развития человечеств. Свердловск, 1989. 110 с. паоокоурвргув

составляет сущностную характеристику социального экспериментирования, представляющего собой особую форму творчески-созидательной деятельности.

Что лежит в основе идеала, воплощенного в таких социальных экспериментах, как утопические?

Из всех поселений, созданных оуэнистами в первой половине прошлого века, наибольший интерес представляют «Новая Гармония» и «Орбистон». В основе идеала оуэнистов была идея совершенного человека. Во всех приведенных примерах типом сознания, формирующим идеал новой социальной реальности, является утопическое сознание как определенное видение человеком желаемого мира, которого не существует в реальной действительности, но который можно создать, сотворить, сконструировать на основе того образа, который возник как воображаемый, желаемый проект будущей реальности. Утопия всегда понималась как проект гармонии и совершенства в отношениях между людьми. Для мудрецов древности утопия была плодотворной невозможностью, представлением о желаемом, которое человек всегда стремился достичь, но которое по самой своей природе таково, что не может быть достигнуто. И все же, благодаря самой своей идеи, утопия служила мерилom суждения о людях, идеалом, с точки зрения которого измерялась реальность.

В основе идеалообразования в социальных экспериментах лежит противоречие между объективно существующим, действительным, реальным миром, с одной стороны, и способностью сознания создать воображаемый мир в форме мысленных конструкций будущей социальной реальности. В сознании человека и в реальном мире не может быть пустоты. Формы реального мира, объективированные человеческим трудом, не могут быть вечно неизменными. Движимые интересами и потребностями человека, формы человеческого бытия создают онтологическую базу для активизации творческого потенциала сознания, ее функций. Несовершенство форм реального мира создает практическую необходимость преобразовать их, сделать более совершенными,

привести в соответствии с желаниями и интересами человека. Так возникает иллюзия в возможности совершенствовать общественные структуры в соответствии с идеалом – создать новый тип общественных отношений, поднявшись над практикой реальных общественных отношений. Эта иллюзия есть не что иное, как утопический идеал – произвольно сконструированный образ будущей социальной реальности.

Утопический идеал в ряде своих качеств способствует энтузиазму «утопия всегда обещает больше, чем реально возможно, обещает все осуществить быстрее, чем это возможно, обещает все блага всем поровну, тогда как на самом деле любое общество не может не быть в каких-либо аспектах дифференцированно³⁸. Утопический идеал основывается на вере, а потому позволяет пренебречь точным расчетом ожидаемого и строгими аргументами реальности гипотетического будущего³⁹

В основе идеалообразования в целом ряде социальных экспериментов (таких как создание молодежно-жилищных комплексов, киббуцианское движение в Израиле, в целом ряде социальных экспериментов в педагогике, социологии, так называемых экономических экспериментах) лежит осознанная необходимость практических преобразований социальной реальности, адекватно выраженных в цели и программах эксперимента. Программа и цель эксперимента максимально приближены к реальным потребностям человека. Так, скажем, цель молодежно-жилищного комплекса – создать объективные условия для строительства жилья для молодежи. Программа реализации этой цели включала элементы реальной практики, осознанной необходимости следовать логике прогрессивного (а значит, цивилизованного) движения общества, не навязывая искусственных форм освоения социальной реальности.

Итак, в основе идеалообразования в социальном эксперименте лежит сложная взаимосвязь между реальным бытием человека и свойством сознания в

---

³⁸ Файнбург З. И. Не сотвори себе Кумира. М., 1991. 71 с. апоаоакокаааа

³⁹ Там же, 72 с. мтьпвояфвптььььь

достаточной мере адекватно отражать эту реальность. Грани этой взаимосвязи достаточно разнообразны, каждая из них «высвечивает» свой аспект рассмотрения проблем. Более конкретно эта проблема должна включать рассмотрение двух классов социальных экспериментов – утопических и реалистических. Идеал, на наш взгляд, является внутренней, глубинной сущностью цели социального эксперимента. Идеал воплощен в цели в форм главной задачи, пронизывающей весь цикл социального эксперимента, практическое осуществление которого целенаправленно. Подтверждение тому классический пример на истории утопических экспериментов Америке.

Как и в других странах, утопические общины, формировавшиеся в США, воплощали разные социальные идеалы, различались по численности, длительности существования и многим другим чертам.

Если взять XIX-начало XX века, то все существовавшие в этот период коммуны можно разбить на три большие группы. Это, во-первых, религиозно-сектантские общины, которые возникают в США в первой половине XIX века. Сначала «Ефрата», несколько позднее общины шейкеров, затем «Гармония», «Зоар», поселение гуттеритов и другие. Другую большую группу составляли утопические общины, которые можно было назвать «доктриальными», поскольку они ставили целью практического воплощение принципов конкретной утопической доктрины. Таковы были прежде всего оуэнистические общины, возникшие в XIX веке в Англии и США. В середине 20-х годов А. Комб создает оуэнистскую общину в своем имении недалеко от Глазкого. В 30-х годах возникает еще одна подобная община под руководством Ванделера. Однако самая интересная и поучительная страница в истории этого рода общин с опытами самого Р. Оуэна, проводившимися им в США.

В 1824 году он отправляется за океан и, купив в следующем году у Георга Раппа «Гармонию», принимает непосредственное участие в создании на ее месте «Новой Гармонии», которая, по его замыслу, должна была послужить примером общественных отношений, при которых человек перестал бы быть

«рабом самых отвратительных зол, которые объединились, чтобы нести моральные и физические бедствия человечеству. «Я имею в виду, - пояснял Оуэн в «Декларации духовной независимости», провозглашенной им в «Новой Гармонии» 4 июля 1826 года, - частную, или индивидуальную собственность, абсурдную или рациональную религиозную систему и брак, основанный на индивидуальной собственности и одной из иррациональных религий»⁴⁰.

«Новая Гармония» быстро распалась, как распались и другие оуэнистские коммуны в Англии и США. Они в известном смысле подготовили почву для появления фурьеристских общин, расцвет которых приходится на 40-е годы XIX века.

Это был период массового увлечения американцев идеями Фурье. В учении французского социализма их привлекала идея «ассоциации», истолкованная на американский лад. «Американцы предпочли не ждать, пока созреют описанные Фурье условия, и сразу же приступили к организации фаланг установить непросто... По уточненным данным такого серьезного исследователя, как А. Бестор, в США в период 1840-1860 г. г. было создано 28 более или менее крупных фурьеристических фаланг»⁴¹.

Как «Новая Гармония» выделялись среди коммун, созданных Оуэном и его сподвижниками, так среди фурьеристских фаланг выделялась Бруг Фарм. В ней нашли концентрированное воплощение основные принципы фурьеризма – ассоциированный труд (основанные на совместном пользовании средствами производства и дифференцированной системе вознаграждения), ассоциированный быт, новая система образования и воспитания. Вместе с тем Брун Фарм, как и другие ассоциации, отчетливо продемонстрировала слабые стороны фурьеризма, невозможность последовательного осуществления его

---

⁴⁰Robert Owen in the United States. N. Y. 1970. P. 70. проаповвввввввввввв

⁴¹ Авдеева М. А. Идеи Фурье В США. История социалистических учений. М. , 1976. 277 с.аоллллллллллллллллллл

принципов в условиях буржуазного общества. Уже к концу 40-х годов фуэрриеристские фаланги фактически прекратили свое существование.

Интересным и верным представляется нам замечание русского правоведа П. Новгородцева о том, что «нельзя найти какого-либо исторического образа, адекватного тому абсолютному пределу, который по существу своему имеет свехисторическое значение»⁴². И к нашему примеру, приведенному выше, можно добавить, что «потерпели крушение не временные политические средства, а утопические надежды найти безусловную форму общественного устройства...»⁴³

Конечно, только механизмом идеалообразования нельзя объяснить цель, развитие и провалы многих социальных экспериментов. Такое объяснение, с нашей точки зрения, будет недостаточным, ограниченным, субъективно-односторонним, не учитывающим ряд других аспектов рассмотрения проблемы. Тем не менее, именно общественный идеал концентрирует в себе в наиболее общих чертах главную идею переустройства общественных отношений. Однажды возникнув, любой общественный идеал находится в критическом отношении к нынешнему миру, данному в опыте, и требует его вечного совершенствования.

Итак, мы рассмотрели социальный эксперимент с точки зрения особенностей субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, выражающих практически-деятельную сторону социального эксперимента с одной стороны, и процесс идеалообразования в структуре социального эксперимента, выражающего идеальную сторону экспериментирования в процессе преобразования общественных отношений.

---

⁴² Новгородцев П. Об общественном идеале. М., 1986. 42 с. аovenовы

⁴³ Там же, 62 с, варвораыы

ГЛАВА II. Реалистическое и утопическое в социальном эксперименте

Мы рассмотрели социальный эксперимент как категорию практики и познания, выделив основные структурные элементы социального эксперимента как познавательного процесса. Наиболее важная роль в указанном аспекте рассмотрения принадлежит, с нашей точки зрения, общественному идеалу как сущностной характеристике социального эксперимента, в наиболее концентрированной форме, выражающего цель и задачи организации социального эксперимента.

В настоящей главе мы попытаемся проанализировать социальный эксперимент в плане его классификации на утопические и реалистические, рассмотрев механизмы реализации общественного идеала в каждом из указанных случаев. Примеры социальных экспериментов, выбранные для иллюстрации теоретических положений, взяты из истории социального экспериментирования в странах Европы, Америки, России. Ссылка на источники сделана в конце работы.

§1. О критериях реалистического и утопического

Нам необходимо определиться с пониманием категорий «реальность» и «утопии», чтобы глубже и полнее раскрыть содержание социального эксперимента. Как показывает анализ содержания понятия «социальный эксперимент», в практике общественной жизни социальный эксперимент в

чистом виде едва ли встречается. Он вбирает в себя моменты реалистического, так и утопического. Реалистический аспект невозможно понять без анализа понятия «реальность». Приводить существующие в философской литературе точки зрения на данное понятие вряд ли представляется целесообразным; это не является предметом рассмотрения данной главы. Отметим лишь, что многие авторы в основу своей позиции кладут понятие реальности, данное Гегелем. Думается, что это является одной из причин нашего обращения к гегелевскому пониманию реальности. В «Энциклопедии философских наук» Г. Гегель определяет реальность: «качество как сущая определенность в противопоставлении содержащемуся в нем, но отличному от него отрицанию есть реальность». И далее: «Если мы рассматриваем наличное бытие как сущую определенность, то мы тогда имеем в нем то, что понимают под реальностью. Так, например, говорят о реальности некоторого плана или некоторого намерения и понимают под этим то, что план, или намерение, уже есть нечто внутреннее, субъективное, а получил наличное бытие. В том же смысле можно так же назвать тело реальностью души и право – реальностью свободы или всю Вселенную вообще – реальностью божественного понятия»⁴⁴.

На наш взгляд, реалистическое есть действительное, конкретно-значимое «наличное бытие», жизненный сплав сущности (идеи) и явления.

Утопическое – нечто существующее, как возможность, как внутренняя сущность субъекта. Историческая реальность, осознанная в качестве основания и начала по отношению к двум формам объективного процесса – в природе и целеполагающей деятельности людей, соединяет бытие (существование) не с иллюзорной сущностью – духом, а с действительной сущностью – материей. Отношение природы и целеполагающей деятельности представляет собой реальность⁴⁵. Реалистическое – то, что представляет собой момент

---

⁴⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975. 229 с. рлпсрлвеныв

⁴⁵ Плотников В. И. Идеальное в структуре исторически являющейся реальности как философская проблема. В кн.: Идеальное как продукт исторического развития человечества. Свердловск, 1989, 66-67 с,

взаимодействия природы и целеполагающей деятельности людей. Утопическое уводит людей из конкретной реальности в бесконечное, оно вне времени и пространства. Реалистическое дискретно, оно естественно эволюционирует от прошлого к настоящему и будущему.

Итак, реалистическое определяем через «наличное бытие», составляющее основу существования субъектов истории. Поскольку человек есть существо, жизнь которого протекает прежде всего в истории и обществе, то окружающие его «бытие», никогда не является «бытием вообще», но всегда конкретной исторической формой общественного бытия. С социологической точки зрения, «бытие» может быть понято только как некое «конкретно значимое», то есть как реально функционирующие и поэтому реально определяемое жизненное устройство⁴⁶. Как видим, два понятия – бытие и реальность – составляют основу реалистического.

Определить содержание понятия «утопия» нам представляется сложнейшей задачей. Существующие дефиниции «утопии», широкий разброс мнений по его содержанию, функциям и роли в историческом процессе подтверждают неоднозначность и сложность данного феномена. Как подчеркивает В. Чаликова, «власть утопии – это власть символа над человеческой жизнью, вторичная реальность, соединяющая несоединимое: науку и легенду»⁴⁷.

Наша задача – не исследование утопии вообще, а ограничиться ее дефиницией, рассмотрев утопию как аспект социального эксперимента. Мы ограничиваем наше исследование утопии социально-политической ее формой, отстраняясь от других форм, таких, например, как художественная, сатирическая, мифологическая и другие. Это сделано в соответствии с основной целью и задачами нашей работы.

---

⁴⁶ Мангейм К. Идеология и утопия. В кн.: Утопия и утопическое мышление. М., 1991. 114. с.

⁴⁷ Там же. 5 с,

Предварительные замечания, сделанные выше, необходимы нам для понимания сущности утопии в тех рамках исследования, которые указанные во введении.

Всякая утопия есть вымысел, иллюзия. В переводе с греческого означает «место, которого нет». Всякий социальный эксперимент представляет собой часть общественно-исторической практики. Именно часть, а не целое. Отождествление части общественно-исторической практики со всей исторической реальностью вносит путаницу в понимание социального эксперимента. Тогда приходится признать, что вся наша жизнь – сплошной социальный эксперимент. Мы склонны признать, что социальный эксперимент – метод познания общественных явлений, с присущим научному методу атрибутами.

Сущность утопии, по-видимому, являются желаемые, но слабо реализуемые идеальные образы будущего идеального общества. Это идеальное общество есть как бы идеальный образ, существующий в сознание людей. Предметный аналог данного образа существует в действительности, но в образе он представлен частично, другая часть (или части) конструируются в воображении как вымысел, как нечто желанное, должное. Эта часть образа (как элемент больше психологический, а не реальный, рациональный) становится общеструктурным, становится целым в конструировании общества – идеала. Эта та основа, на которой реализуется будущая социальная реальность. Необходимо, на мой взгляд, начать с рассмотрения понятия «утопия» - это важно, ибо в классе социальных утопических экспериментов понятие «утопия» является центральным.

Само это понятия появилось в начале XVI века, когда увидела свет «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивого Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона».

Утопия – сочетание двух лексических компонентов греческого языка – «топос» (место) и «у» (нет). Утопия – место, которого не существует. Многих исследователей утопии объединяет то, что утопия понимается как социальный идеал, выражающий потребности и интересы различных общественных групп.

Чаще всего сущность утопии пытаются вывести из соотношения воплощенного в ней идеала с различными сторонами общественной жизни, прежде всего с общественной практикой. Утопию, например, определяют как «несбыточную идею, неосуществимую мечту», «вечное царство неосуществимой мечты», как указание на переворот, который она (утопия) хотя и неспособна осуществить, но «может требовать»⁴⁸. Важно подчеркнуть, что утопия – воплощение определенного типа сознания, то есть типа видения человеком окружающего мира, который может проявляться и в науке, и в искусстве, и в философии, и в других формах общественного сознания. Сущность утопии часто пытаются определить через отношение воплощенного в ней идеала и реальности. Наиболее последовательное выражение этот подход нашел в теории Карла Мангейма. По мнению К. Мангейма, «утопичным является то сознания, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием». Это несоответствие постоянно проявляется в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, не содержащиеся в этом «бытии»⁴⁹.

Интересное понимание утопии и утопического идеала находим мы в работах современного исследователя Э.Я. Баталова.

По мнению Э.Я. Баталова, сущность утопического идеала следует искать в способе его продуцированию⁵⁰. Идеал как образец, высшая социальная цель, в соответствии с которыми человек строит свою деятельность, может полагаться (продуцироваться) разными способами – обстоятельство, имеющее

---

⁴⁸ Шестаков В. П. Понятие утопии и современные концепции утопического. Вопросы философии. 1972, №8.

59 с.

⁴⁹ Мангейм К. Идеология и утопия. Утопия и утопическое мышление. М., 1991, 116с.

⁵⁰ Баталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989. 16с.

первостепенное значение для понимания специфики утопии как феномена сознания и культуры.

Идеал может полагаться субъектом в соответствии и объективными законами социального движения, то есть выводиться из действительных тенденций развития конкретного общественного организма, реализация которых становится осознанной потребностью определенной части общества. В этом случае идеал выступает как образ необходимого (совпадающего с желанным) состояния общества, возникающего в результате разрешения существующих противоречий и его развитие к другой. Такой идеал обычно являет собой итог конкретного социологического анализа состояния общественного организма, взятого в его историческом движении⁵¹. Этот идеал рождается из свободного, ничем, как будто, не ограниченного воображения. Утопическое сознание стремится освободиться от «тирании» необходимости, подняться над временем и над историей⁵². Убежденный утопист – не аналитик. Это человек веры, решений, действия. По мнению Мильдона В. И., «утопия считает возможным обрести потерянный рай, навсегда искоренить зло - в этом заключается спасение человечества»⁵³. Можно определить утопию как произвольно сконструированный образ идеального социума, принимающего различные формы (общины, города, страны и т.п.) и простирающегося на всю жизненную среду человека и от внутреннего его мира до космоса. В таком случае утопическое сознание может быть определено как сознание, произвольно полагающее образ идеального социума⁵⁴.

Необходимо отметить, что положенным произвольным воображением образ (понятие) идеального предмета может быть соотнесен не только с будущим, но и с любой точкой на шкале пространственно-временного континуума, либо не соотнесен с этой шкалой вообще. Утопист воспринимает

---

⁵¹ Баталов Ю. Я. В мире утопии. М., 1989. 17 с. Рлорюлор.р

⁵² Там же. 18 с. Пролпроюлр.р

⁵³ Там же. 23 с. Мильдон В. И. История и утопия Как типы сознания. Вопросы философии, 2006. № 1. 21 с.

⁵⁴

социальную реальность как своего рода набор «позитивных» и «негативных» элементов, манипулируя которыми – отбрасывая одни и отбирая другие – можно построить более и менее современную, а точнее, отвечающую его субъективным представлениям о наилучшем мире картину, общества.

Убежденный утопист – не аналитик. Это человек веры, идеи, решения, действий. Мысль у него, если воспользоваться выражением Андрея Платонова, «действует в чувстве, а не под плешью». Уверенный в том, что он нашел ключ к всеобщему благу, одержимый стремлением осчастливить человечество, он не внемлет доводам разума и замечает только то, что работает на его идею. Он идет напролом этой идеи. Истязаемый тюремщиками Томазо Кампанелла собирает последние силы, чтобы донести до людей высшую тайну – свой «Город солнца». Джеральд Уинстонли борется за создание колонии диггеров, выражавших интересы английской бедноты. Этьен Кабе обращается с пылкими воззваниями к соотечественникам-французам и отправляется с небольшой группой сторонников ставшее для него роковым путешествием за океан, дабы личным примером доказать возможность создания «Икарии» – земного рая. Гракха Бабефа отправляют на гильотину. Роберт Оуэн практически разоряется на своих американских экспериментах.

Утопист не только мысленно «разделяет» мир на части, но и абстрагируется от общественно-исторического времени как прерывно-непрерывной последовательности событий, от их взаимосвязи и взаимообусловленности⁵⁵.

Разъяв мир на «элементы», утопист воспитывает потребность проделать обратную работу – заново синтезировать целостную картину мира. Ибо, как и всякий другой тип, утопическое сознание может оперировать лишь целостными образами. При этом утопист замещает вытесненные элементы реальности новыми, устанавливая между ними производные связи. По словам Э.Я.

---

⁵⁵ Баталов Э. Я. Современное капиталистическое общество и утопическое сознание. – Вопросы философии. 1973. №10, 8 с.

Баталова, «к утопическому сознанию мы должны подходить как своеобразному шифру бытия», продуцирующего его субъекта, то есть рассматривать его как отражение действительности, фиксирующее – непосредственно, через содержание полагаемого идеала, или косвенно, через способ видения предмета утопистом – его ценностные и политические ориентации и притязания. Утопия – это еще и «шифр бытия мира, в котором действует утопист окружающей его природной и социальной среды. Любой социально-утопический проект – это «слепок» с породившего его общества, обратная проекция одной исторической эпохи в другую (прошлого – в настоящее – в будущее и т.п.), то есть проекция, в которой устранены все минусы и усилены все плюсы существующего общества. Она неизбежно несет в себе реальные противоречия последнего, и его проблемы, связанные с характером классовой культуры и общественных отношений, уровнем экономического развития, культурной зрелости.

Таким образом, реалистическое – то, что существует объективно, утопическое – субъективно-существующее. На наш взгляд, в жизни субъекта настолько перемешаны реалистические и утопические моменты, что порой трудно провести границу, определить критерий дифференциации названных выше категорий. Необходим анализ предпосылок, объективных условий, чтобы развести реалистическое и утопическое. Ценность утопии в социальном эксперименте – в ее творчески созидательном характере, в способности привести элемент веры и надежды в отношении субъекта и объекта, к природе. Ценность реалистического аспекта в социальном эксперименте в том, что практически-преобразовательный характер социального экспериментирования способен к «фильтрации» искусственных конструкций, моделей, навязываемых субъектом обществу.

§2. Реалистический и утопический эксперименты в сфере общественных отношений: различие их идейной основы, структуры и функций.

Развитие общественно-исторической практики и мировой культуры показывает, что в истории человечества было проведено множество

социальных экспериментов. В основе их, с одной стороны, лежали идеи утопистов, трансформируемые в сознании людей как идеальный образ будущего общества. На наш взгляд, утопическое сознание почти не направлено на конструктивно-критическое осмысление существующих обстоятельств, бытийное существование субъектов истории. Оно имеет тенденции быть вне времени и пространства, не обладает статусом индивидуальности, оно идеально, то есть существует как процесс. Но в отличие от индивидуальных идеальных образов, утопическое сознание преимущественно иррационально, в нем ощущается недостаток рационально-критического отношения к действительности. Оно слишком «оторвано» от реальной жизни и занято проблемами абстрактного конструирования принципиально новой социальной реальности. Реализация идей, планов утопии в коммунах, поселениях в конечном итоге приводило к провалу коммуникативных экспериментов, к разочарованию членов коммун и их организаторов. Есть много исследований, подтверждающих печальный итог коммуникативных экспериментов. С нашей точки зрения, социальный эксперимент – это метод освоения действительности (осваивающий эксперимент) и метод познания и преобразования социальных явлений и связей (поисковый социальный эксперимент).

В основе реальных социальных экспериментов в философско-гносеологическом плане лежат образы будущей социальной реальности, представленной в различных формах конструктивных связей и отношений. На любой из стадий становления и реализации эксперимента присутствует идеал будущей реальности, этим идеалом может быть новый образ жизнедеятельности субъекта, например, МЖК, новая модель экономических отношений и так далее. Общественный идеал многовариантен, различные его формы представлены как в коммуникативных, так и в реалистических социальных экспериментах. В одних случаях он представлен в утопически-иллюзорных образах, предметный мир в них отражается через призму иррационального, неземного, недоступно-желанного. В основе своей

социальный эксперимент, как было уже сказано, проектирует образ будущей социальной реальности. Но в проектировании новых социальных связей участвует не только логическое мышление, но и весь спектр чувственно-психологических образов.

На наш взгляд, критерием разграничения двух классов экспериментов является способ построения и освоения действительности. Реалистические социальные эксперименты строятся на иной теоретической и практической основе. Имеется в виду та система предположений, которую необходимо апробировать на практике.

Реалистические социальные эксперименты – та группа социальных экспериментов, которые проводятся в различных областях социальной жизни, цель которых исследование инновационных процессов на практике. Особенностью таких социальных экспериментов является максимальное приближение к реальной жизни, адекватное отражение тех социальных связей и отношений, явлений действительности, которые необходимо исследовать и преобразовать в ходе эксперимента. Другой особенностью таких экспериментов является локальность, ограниченность во времени и пространстве. Другими словами, реалистический социальный эксперимент – это часть общественно-исторической практики, но не вся практика.

Утопические социальные эксперименты – группа экспериментов, цель которых – утверждение социальной реальности, модель которой слабо связана с реальной жизнью. Особенностью такой группы социальных экспериментов является в большей степени иррациональность утопического сознания, оторванность от реальной жизни, внеисторичность.

Рискнем высказать мысль, что таким критерием различия двух классов экспериментов может служить принципиально различное отношение в них иррационального и рационального компонентов. По мнению профессора Пивоварова Д. В., «рациональность – релевантная представленность

сверхчувственного целого в избранной субъектом части этого целого, репрезентативность, осмысленность и осознанность правильности репрезентации с точки зрения здравого смысла и реальной необходимости. Рациональность человека прежде всего заключается в его способности к репрезентации (к идеальному отражению), благодаря которой единичное становится сигналом сущности (общего закона), а затем с помощью человеческого действия трансформируется так, что целенаправленно и явно начинает подчиняться сущности, отвечая потребности человека и вместе с тем развивая эту потребность, рациональность заключается не только в верном познании законов бытия, но и в том, чтобы на основе знания этих законов по-новому упорядочить бытие, явно подчиняя естественные явления объективным законам в соответствии с потребностями человека. Речь идет прежде всего о разумных потребностях, то есть потребностях, которые сопряжены с прогрессивным воспроизводством «человека разумного». Материальное и духовное производство – стороны единого процесса производства человека и его мира, искусственной природы. Следовательно, критерий рациональности включает в себя не только требование соответствия мышления бытию, но и обратное требование соответствия измененного бытия планам и проектам мышления, отвечающим разумным потребностям. Но главная предпосылка рациональности – правильный выбор на практике или в теории максимального репрезентативного предмета: чем полнее репрезентант информирует об объективной сущности класса предметов, тем рациональнее наш выбор и успешнее наша практическая и теоретическая деятельность по преобразованию материальной и нематериально-знаковой реальности».¹

Итак, исходя из общего принципа разделения социальных экспериментов на два больших класса, попробуем разобраться в каждом из них, ибо воплощение и реализация в них общественного идеала видится нам по-разному. Это одна из причин. Вторая причина заключается в необходимости разобраться в том круговороте событий сегодняшнего дня, который поставил

перед всем миром вопрос, что же было в истории нашего общества – социальный эксперимент на протяжении семидесяти лет (можно ли вообще ставить равенства между социальной действительностью и особым, специфическим способом познания этой социальной действительности, каким является социальный эксперимент?), либо это особый путь общественного развития?

Семьдесят лет убеждали себя и других, что строим наш «храм» по строгой науке, а теперь вот оглядываемся вокруг: да где же это мы? В каком утопическом царстве? По каким проектам строили у нас «светлое будущее»? Попробуем упорядочить наши представления о критериях различия двух классов социальных экспериментов.

В самом начале мы говорили о существовании двух аспектов – рационального и иррационального как моментов различия двух классов социальных экспериментов. Хотя, на наш взгляд, указанные два аспекта, несомненно, имеют определенное значение. В самом деле. Чем руководствуются люди, желающие объединиться в коммуны? Прежде всего, желанием, волей порвать с существующим образом жизни, его естественным развитием, уйти от противоречий социальной действительности, трудностей бытия в мир воображаемый, желанный. Думается, что момент эмоционально-психологический здесь доминирует над критически-объективным разумом. Момент иррациональный здесь, на наш взгляд, доминирует над здравым смыслом. Было бы неверным назвать такой феномен, как утопические эксперименты, чисто иррациональным явлением. Попытка построить жизнь «исключительно на рациональной основе, изжив из нее все случайное, иррациональное, нецелесообразное»; надежда на быстрый успех; вера в возможность противоречивого бескризисного развития исключительно по восходящей линии. Ориентация на разрыв с человеческой историей, стремление прорваться в какое-то либо, нечеловеческое или даже лучше сказать, сверхчеловеческое пространство.

Мы говорили о различных способах реализации общественного идеала, воплощенного в различных социальных экспериментах.

Но, думаю, что речь должна идти не только о способах реализации общественного идеала, хотя способы эти различны в утопических и реальных экспериментах, но и об уникальном характере общественного идеала. На краткой характеристике общественного идеала мы останавливались в предыдущей главе. Сейчас необходимо предметно соориентировать сущность общественного идеала с двумя классами социальных экспериментов. На наш взгляд, та форма общественного идеала, которая воплощена в реалистических социальных экспериментах, максимально приближена к реальным социальным условиям жизни субъектов, будь то отдельная конструкторская программа, модель экономических отношений на отдельном предприятии, модель новой, совершенной учебной программы и т. д. Механизм отражения предметного мира объективирован реальными социальными связями и отношениями. Цель эксперимента – совершенствование фрагмента реальной действительности в, соответствии с объективным ходом истории. Проиллюстрируем это на примере с молодежно – жилищными комплексами как реальным социальным экспериментом. Но здесь необходимо подойти к проблеме реалистических социальных экспериментов шире, учитывая, что реалистический социальный эксперимент, как и утопический это лишь подсистемы целостной системы всего общества, в котором существуют законы функционирования, часто вступающие в противоречия с подсистемами, в том числе такими, как социальное экспериментирование.

Обусловленность типом общественного строя предполагает раскрытие конкретно- исторического уровня развития данного общества, степень развития экономических, социально – политических, научных, нравственных и других условий в обществе. Следует отметить, что социальный эксперимент как научно – теоретический метод познания и

освоения действительности (что предполагает его предметно-практическую форму) отражает противоречивость социальных процессов, всю глубину коллизий экономической, социально – политической, и духовной сторон общества,

Содержание социального эксперимента можно рассматривать как микромодель общества, Сложность и многогранность пространства детерминации социального эксперимента определяют наличие в нем таких процедур, которые не свойственны естественно – научному экспериментированию. Исследователь – экспериментатор действует как важный элемент совокупности субъекта эксперимента, осуществляет всестороннее обоснование необходимости, возможности, целесообразности экспериментальных преобразований, изучает общественное мнение, проводит определенную работу с обследуемыми, решает вопросы недопущения их негативных остаточных деформаций. Это придает политический характер его деятельности и социальному эксперименту в целом.

По сути социальный эксперимент (в какой бы области действительности он не проводился) представляет реализацию нововведений, разрушение , старых традиционных связей, отношений и попытку на деле , на практике осуществить идею нового, нетрадиционного для данной системы решения проблемы. Попытаемся эту мысль подкрепить примером из жизни молодежи – жилищных комплексов (МЖК). Первый в стране молодежный жилищный комплекс был создан в нашей стране в 1972 году в подмосковном Калининграде. Задача была такая: решить жилищные проблемы молодых людей силами самой молодежи. Ее выполнили – но это оказалось только начало. В 1977 году опытом калининградцев заинтересовались свердловчане. Но они сразу замахнулись на более масштабные цели – на утверждение нового образа жизни. Обратились к идеям Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Шарля Фурье, Роберта Оуэна, Сен -Симона, Карла Маркса. Первоисточником и теоретическим принципом стала теория Платона

об идеальном государстве, Родилось определение: коммуна –это объединение людей по месту жительства с созидательной целью. Вместе отдыхать, развлекаться, заниматься спортом, помогать друг другу в воспитании детей, обмениваться информацией и умными мыслями. Пример с МЖК – наглядное подтверждение нежелания человека подчиняться противоестественным, антигуманным условиям жизни, которые создала для него тоталитарная система.

Главная идея в социальном эксперименте с МЖК – обрести свободу действия, реализовать возможности субъекта, воплотив их в творческий, целесообразный труд, Социальный эксперимент в нашей стране принимает политическую окраску, отражает глубинные противоречия, которые должны были взорвать старый порядок рано или поздно, Явления любой сущности , не соответствующие ей, со временем приобретают черты , противоречащие друг другу и самой сущности, Появляются новые явления, которых уже не устраивает старая сущность. Социальный эксперимент подобный МЖК, вызван самой практикой, необходимостью преобразования той социальной реальности, которая не устраивает субъекта этой реальности. Скорее , это не научный теоретический способ освоения действительности, а практически _ духовный способ освоения мира, опирающийся на здравом смысле. Это требование изменения реальной жизни «снизу». Здесь вернемся к критериям различения двух классов социальных экспериментов, Мы отметили, что опредмечиваемый в реалистических экспериментах общественный идеал гораздо более полно и точно отражает действительность и отвечает реальным условиям жизнедеятельности людей.

Нельзя отрицать наличие утопических элементов в реалистических социальных экспериментах .Человеческое сознание в своей сложной иерархии содержит элементы творческого воображения, фантазии, мечтательности иллюзий. Когда эти элементы становятся доминирующими над здравым смыслом, не соотносятся с реальным предметным миром, становятся как бы ориентиром в реальном мире, следует говорить об

утопических экспериментах. Воплощенный в утопических экспериментах общественный идеал приобретает форму иллюзорного, желаемого мира, Эмоционально – психологический уровень сознания доминирует над логикой здравого смысла. Речь идет не просто об идеальном, но и о желаемом состоянии общества или предмета, Утопист грезит не только о совершенстве, к которому он хотел бы прикоснуться или хотел, чтобы прикоснулись другие, предмет для утописта «совершенен» и идеален лишь постольку, поскольку желаем, а не наоборот: ведь утопист – субъективист,

Утопические эксперименты по преимуществу являются иррациональными, потому что в их основе лежит прежде всего неотрефлексируемая вера (доверие) в совершенное социальное устройство, а также потому что на практике они влекут за собой непредвиденные и противоположные предшествующим рациональным ожиданиям последствия. Иррациональность – момент деятельности, являющийся по отношению к человеку неожиданным продуктом взаимоотражения субъекта и объекта, чувственная данность которого оказывается обратной исходным рациональным целям действующего человека, (Пивоваров Д. В., Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма, – Отношение человека к иррациональному, Свердловск, 1989. С. 18 -19). Смысловое содержание общественного идеала, воплощенного в реалистических социальных экспериментах не лишено эмоциональной окраски. Но эмоциональный аспект не является доминирующим, он лишь фон, неотъемлемый элемент человека. Как свидетельствует история, утописты пытались реализовать свои проекты в ходе массовых восстаний и движений, Так было, например, в середине 19 века в Китае, когда в стране разразилось тайпинское восстание, участниками которого было создано «небесное государство великого благоденствия»,

Другой путь – организация массовых выступлений и движений с целью реализации конкретной утопической программы. Таковым было возникшее в США в 90-х годах прошлого века благодаря усилиям Эдварда

Беллама и его сторонников движение так называемых национализаторов.

Третий путь - это организация утопических общин, Их называют коммунитарными экспериментами, Утопическая община представляет собой попытку реализовать свой жизненный идеал, порвав с историей, с реальным временем и пространством.

Утопическая община ориентирует на такие цели, принципы и нормы, которые, отвечая представлениям членам общества, о подлинном обществе, подлинных отношениях, не соответствуют господствующим в обществе целям, принципам, нормам,⁵⁶

Начало документированной истории утопической общины восходит лишь к 17 в, Наибольшее развитие они получают в 19 в. в условиях обострения противоречий капиталистического общества.

Следы «коммуникативных экспериментов» мы обнаруживаем едва ли не во всех странах – Англии, России, Германии и т. Д. Но наибольшее распространение они получили в США. По подсчетам специалистов на период с 1787 по 1919 годы в этой стране было создано 270 коммун. Утопические общины воплощали разные социальные идеалы, различались по численности, длительности существования и многим другим чертам.

Если взять 19 – начало 20 в., то все существующие в этот период коммуны можно разделить на большие группы. Это, во-первых, религиозно-сектантские утопические общины, которые возникают в США в первой половине 19 в. Сначала «Ефрата», несколько позднее община шейкеров, затем «Гармония», «Зоар» поселения гуттеритов и другие. Другую большую группу составляли утопические общины, которые можно было назвать «доктринальными», поскольку они ставили себе цель практического воплощения принципов конкретной утопической доктрины. Таковы были прежде всего оуэнистские общины, возникшие в 19 в. в Англии и США. (И другие примеры в диссертации). Типические черты утопического мышления здесь обнажены до предела: полное игнорирование объективных условий;

---

⁵⁶ Баталов Э.Я. В мире утопии. 1989. С.226.

убежденность в том, что, овладев верными принципами, собрав волю в кулак, поставив благородную цель, можно творить чудеса. Представления о возможности организовать жизнь исключительно на рациональной основе, изгнав из нее все случайное, иррациональное, не целесообразное; надежда на быстрый успех; вера в возможность непротиворечивого, бескризисного развития исключительно по восходящей линии. Ориентация на разрыв с человеческой историей, стремление прорваться в какое-то иное внечеловеческое пространство – характерная черта утопии. Хотя икарийские общины продержались несколько дольше фурьеристских и оуэнистских, они прекратили свое существование лишь в 90 –х годах, они мало походили на то, о чем грезил автор «Путешествия в Икарию». Но были и утопические общины, которые не связывали достижения счастливой жизни с реализацией провозглашенной философской и политической доктрины или религиозного учения. И таких было большинство. Они могли ставить перед собой самые разные цели - от попыток устроить на весь мир грандиозную коммуну, всех осчастливить, о чем мечтали российские интеллигенты XIX в., создавшие на черноморском берегу общину «Криница», которая просуществовала несколько десятилетий. Генри Тороили создал общину «Онейиду», члены которой мечтали перестроить свою жизнь на основе идеальных принципов, создать новые формы общежития, например, новую форму семьи. Почему утопические коммуны получили наибольшее распространение именно в США, очевидно дело не только в том, что американские визионеры были более предприимчивы и даже утопии пытались осуществить на практике. Многие европейские утописты, такие как Роберт Оуэн, нередко проявляли большую предприимчивость, чем их американские коллеги. В Соединенных Штатах существовали более благоприятные условия для утопических экспериментов. Создание коммунитарных поселений утопического типа, особенно на «новых» землях, хорошо вписывалось в процессе колонизации Запада. К тому же сам характер заселения Америки представителями разных народов и культур делал ее более терпимой в религиозно – культурном отношении и

тем самым более приемлемой для людей, придерживающихся «сектантских» (как в прямом, религиозном, так и в светском смысле) взглядов и ориентаций. Немаловажно было и то, что американское правительство не чинило препятствий утопистам – экспериментаторам. Это видно на примере Роберта Оуэна, которому была дана возможность выступить о своих взглядах в конгрессе США.

Мы рассмотрели два вида социальных экспериментов. Рассмотрим структуру и функции, определим их различие. Если обратиться к философской литературе, то можно обнаружить, что большинство авторов традиционно, по аналогии с естественнонаучным экспериментом, выделяют такие элементы: объект, субъект, гипотеза, проверка и контроль результатов эксперимента. Пожалуй, в общем виде это отражает целостную картину социального экспериментирования. На наш взгляд, наиболее интересный и подробный анализ структуры реальных социальных экспериментов представлен Р.В. Рывкиной и А. В. Винокуром. Предложенная авторами схема социального эксперимента представляет общую модель социального экспериментирования, в которой нет специфических особенностей как утопического, так и реалистических экспериментов. Приведём предложенную авторами модель:

1. Построение предмета экспериментального исследования.
2. Разработка программы проведения эксперимента, а именно:
  - а. Разработка методики;
  - б. Разработка плана создания экспериментальной ситуации;
3. Реализация программы эксперимента:
  - а) создание экспериментальной ситуации,
  - б) наблюдение и контроль.
4. Анализ и оценка результата.
5. Типы предметов экспериментального исследования:
  - а) предметы экспериментального исследования, не имеющие аналогов в сложившейся социальной реальности;

б) предметы, представляющие собой ту или иную информацию существующих систем.

При анализе и оценке результатов, чтобы получить факты, однозначность которых не вызывает сомнений, суммарные изменения реакции социальной группы, возникшие в экспериментальной ситуации, необходимо разложить и выделить ту их долю, которая вызвана к жизни только изучаемыми в опыте факторами. Результат социального эксперимента носит двойственный характер, он соединяет в себе реальный и познавательный результаты, побочный и основные результаты. В философском аспекте структура реального социального эксперимента может быть представлена следующими элементами: а) социальный объект, б) субъект-исследователь, в) средства познания. В такой схеме просматриваются субъект - объектные и субъект - субъектные отношения, имеющие специфические особенности в познании реальной социальной действительности, В основе этих отношений лежит принцип взаимоотражения и взаимодополнения, О специфических особенностях субъект – объектных и субъект – субъект – субъектных отношений речь шла в первой главе. Здесь мы попытаемся представить целостную картину структуры реального социального эксперимента. Но эта абстрактная схема структуры реального социального эксперимента на уровне конструирования этапов наполняется конкретным смысловым содержанием, в них воплощается общественный идеал .На уровне общепсихологическом общественный идеал в виде схемы – образа воплощен в цели субъекта – исследователя, Это может быть мыслительная схема – конструкция будущей социальной реальности, новый тип отношений между людьми, организациями, партиями и так далее; это может быть общественный идеал в форме идеи, воплощенный впоследствии в форме программ.

Следующим условием движения общественного идеала на уровне его реализации является объективация общей схемы структуры реалистического социального эксперимента. Абстрактная цель трансформируется в

конкретные реальные исследовательские программы. Идея – идеал объективируется, наполняется конкретным реальным содержанием, в котором воплощены реальные устремления и жизненные потребности людей в преобразовании социальной действительности. Мы утверждали, что сознание утописта – исследователя рефлексивно, иллюзорно, вневременно, внеисторично. Для субъекта – исследователя в реальных социальных экспериментах важнейшим условием успешной реализации поставленной задачи является соизмеримость потребности в преобразовании некоторого фрагмента социальной действительности с реальными возможностями и реальной необходимостью. Уже в самой альтернативе выбора есть противоречие между реальным и возможным, необходимым и действительным. Основным условием формирования и реализации реалистического социального эксперимента является его гуманизация, то есть направленность на человека, его устремления и желания преобразовывать социальную действительность в соответствии с реальными возможностями и общезакономерным эволюционным движением общества к прогрессу. С одной стороны, положительный результат реального социального эксперимента обеспечен в случае, если эксперимент «вписан» в объективный закономерный ряд эволюционного движения общества. То есть своей целью и реализацией данной цели, а также воплощением в цели общественного идеала не противоречит объективному движению общества. Реальная цель отражает реальные возможности субъекта преобразовывать окружающий мир, определенные связи и отношения, объективировать свои потребности в соответствии с адекватным отражением объективного мира.

С другой стороны, реалистический социальный эксперимент обеспечивает себе положительные результаты в случае непротиворечия естественной человеческой природе, внутренней свободе выбора того образа жизни, который выбирает сам субъект. Речь идёт о том, что предлагаемая субъектом – экспериментатором модель нового образа жизни, в случае несовпадения с желанием объекта, нарушением его внутренней воли,

сложившегося стереотипа жизнедеятельности, не будет реализована, попросту провалится. Этим во многом объясняется практическая несостоятельность и теоретическая необоснованность многочисленных реальных экспериментов, которые провалились.

Необходимо на, наш взгляд, учитывать вышеназванные условия подготовки и реализации социальных экспериментов. В общем виде можно выделить четыре этапа проведения реалистического социального эксперимента:

- выдвижение исследовательской программы;
- выбор эталонного объекта;
- реализация исследовательской программы;
- анализ реальных результатов.

(1) На этапе выдвижения исследовательской программы в целостном виде находит воплощение конкретная форма общественного идеала. Как мы говорили, это может быть идея совершенствования определенного фрагмента социальной действительности, конструирования новых экологических, политических, социально – психологических, педагогических и других отношений. Существует много самых различных типов, форм реальных социальных экспериментов. Исходя из множественности типологий реальных социальных экспериментов, в каждом конкретном случае формируется своя цель, задача, которая впоследствии получает свое воплощение в каждом реализуемом действии эксперимента. Общим для всех реальных экспериментов первого этапа является то, что исследовательская программа аккумулирует в себе первоначальный теоретический базис, жизненный опыт субъектов – исследователей, научно обоснованную цель, включающую и анализ последствий каждого последующего шага в реальном социальном эксперименте. Для субъекта – исследователя, в отличие от субъекта – экспериментатора естественнонаучного эксперимента, важно знать и понимать, что объект в социальном эксперименте способен к саморефлексии, обладает знаниями и жизненным опытом, поэтому в самом

начале эксперимента субъект – объектные отношения носят диалогичный характер; уже на этом этапе субъект-объектные отношения могут трансформироваться в субъект – субъектные.

(2) На этом этапе выбора эталонного объекта необходимо должны быть соблюдены два условия проведения реальных социальных экспериментов. Произвольность, создание необходимых условий для реализации программы в контрольной группе составляет особенность данного этапа. Субъект – объектные отношения в их классическом виде являются приоритетными на этапе выбора контрольного объекта. Одной из особенностей данного этапа является ориентация контрольной группы на эталонный объект как наиболее совершенное качество предмета или группы предметов, выражающее сущностное отношение реальных, либо мысленных отношений и связей. Эталонный объект представляет модель мысленную или реальную, отражающую в наиболее адекватной форме (в отличие от утопических моделей конструкций будущей социальной реальности) нормы, связи, отношения предметного мира. На этапе выбора контрольного объекта мысль субъекта – исследователя находится в постоянном поиске оптимального варианта соизмеримости эталонного объекта с реальным социальным, который по устраивающим субъекта - исследователя параметрам впоследствии становится контрольным объектом, то есть той социальной группой, коллективом и так далее, где будет реализовываться программа.

(3) На этапе реализации исследовательской программы происходит наиболее динамичное осуществление субъект – объектных и субъект – субъектных связей. Если на этапе (2) ориентация на эталонный объект носила пассивно – наблюдательный характер, то здесь мы наблюдаем активно – творческий потенциал участников эксперимента. В ходе реализации программы происходит активное движение обеих сторон эксперимента – субъекта – исследователя и социального объекта. Происходит корректировка тех аспектов в исследовательской программе, которые противоречат двум

условиям реальных социальных экспериментов. Возрастает роль и значение индивидуального подхода, общение между участниками эксперимента и исследователями носит содержательный, а не формальный характер.

(4) На этапе анализа и оценки реальных результатов происходит интерпретация фактического материала. Помимо реальных результатов могут быть получены побочные результаты. Человеческие действия и поступки невозможно предугадать, спланировать предельно точно. Возникшие в ходе реализации эксперимента неожиданные ситуации, требующие анализа и последующего принятия решения, возможно изменяющего первоначально сформулированную цель, отражают специфическую особенность взаимоотношения субъект – объектных и субъект- субъектных отношений. Реакции человека на попытки изменить сложившийся стереотип отношений, социальных связей могут быть самыми неожиданными, даже в случае хорошо подготовленного, теоретически обоснованных этапов экспериментов. Анализ причинно – следственных связей в эксперименте требует безусловного следования в динамике изменяющихся социальных связей и отношений, с одной стороны, непредсказуемости человеческой реакции, с другой, все эти обстоятельства способствуют тому, чтобы сделать следующий вывод: в ходе эксперимента возникают с необходимостью экспериментальные ситуации, которые дают не только основные, но и побочные результаты. На наш взгляд, спектр полученных реальных результатов может быть самым разнообразным и неожиданным. Проанализировать их и дать соответствующую оценку – задача субъекта – исследователя, По мнению Хагурова А. А.: «Процесс движения от цели к результату деятельности интерактивен. Он испытывает влияние многих внешних факторов»⁵⁷. Специфическую особенность реалистических экспериментов можно выявить, рассмотрев функции (под функцией мы понимаем действия, которые совершает реалистический или утопический социальный эксперимент в обществе в соответствии с

---

⁵⁷ Хагуров А. А. Социальный эксперимент [Текст]. Ростов – на - Дону. !989. 92 с.

поставленной целью) социальных экспериментов. Рассмотрим некоторые точки зрения, существующие в литературе. Так, А. П. Куприян⁵⁸ не называет конкретные функции, а, скорее раскрывает общее направление деятельности реалистических социальных экспериментов. Так, с его точки зрения, эксперимент должен:

-служить критерием для проверки истинности теоретических положений;

-быть одним из наиболее эффективных средств обнаружения и исследования причинных и других связей в мире объективной реальности

-обнаруживать и уточнять новые факты действительности, способствуя тем самым развитию научных теорий;

-служить важным звеном в выработке наиболее оптимальных механизмов управления процессами в природе и обществе.

Указанные направления являются функциями социальных экспериментов, Вместе с тем этим не ограничивается функциональное понимание реалистических социальных экспериментов. На наш взгляд, можно выделить три основные функции реалистических социальных экспериментов:

- познавательно – информационную;

-диагностическую-

-прогностическую.

(1) Главным назначением реалистических социальных экспериментов является познание социальных связей и отношений, и на основе этого познания определяется творчески – преобразовательная деятельность отдельных сторон реальной действительности в соответствии с теми условиями и границами, объективно допустимыми в эксперименте. Познавая, мы получаем определенную информацию, на основе которой происходит понимание целесообразности либо нецелесообразности предполагаемой модели социальных связей и отношений. Названная функция определяет в

---

⁵⁸ Куприян А. П. Проблема эксперимента в системе общественной практики { Текст } М. ; 1989. 90 с.

дальнейшем вопрос об экстраполяции реалистических социальных экспериментов, дает возможность получать такого рода информацию о различных проявлениях поведения различных социальных групп, необходимую для построения научных групп, необходимую для построения научных теорий, которые иными методами не может быть получена.

(2) Диагностическая (от греч. *diagnostikos* – способный распознавать) функция тесно связана с познавательной. Нацелена данная функция на анализ состояния социальных объектов и процессов, на выявление проблем их функционирования и развития. В социологии есть такое понятие как «диагностика социальная».⁵⁹ Наибольшее развитие социальная диагностика получила в практике управленческого консультирования, Здесь она предполагает комплексное обследование состояния дел в организации с целью оценки её «болевых» точек. Одним из методов исследования, активно выявляющим «болевые» точки, является социальный эксперимент. К «болевым точкам» относятся: организационные противоречия (по горизонтали и вертикали внутри организации в отношениях с внешней средой в отношениях с внешней средой - отраслью, городом и т.д.), трудности (помехи, нехватки), неопределенности в целях, связях, нормах и так далее, диагностическая функция выявляет так называемое проблемное поле диагностируемого объекта, то есть схему выявления в нем проблем.

(3) Прогностическая функция реалистических социальных экспериментов позволяет определить возможные последствия "намечаемых" социальных мероприятий, дает возможность "заглянуть" в будущее посредством конструирования перспективных форм общественной деятельности⁶⁰. Прогностическая функция направлена на анализ ближайших и более отдаленных социальных последствий принимаемых решений, направленных на совершенствование различных сторон жизни общества с

---

⁵⁹ Краткий словарь по социологии. М.; 1988. 81 с,

⁶⁰ Яцкевич С.А. Социальный эксперимент как форма научного творчества. В кн.; Методологические аспекты научного познания и социального действия. Минск, 1985. С.52.

целью повышения научной обоснованности и эффективности социального программирования, планирования, управления. Социальный эксперимент как форма творческо-преобразовательной деятельности, инновационной практики в своей прогностической функции нацеливает на разработку научного прогноза в виде вариантов, альтернатив развития, которые описывают возможные формы и проявления, темпы развертывания процессов с учетом управляющих воздействий, а также с качественными изменениями.

Построение элементов в утопическом эксперименте, на наш взгляд, существенно отличается от реалистических экспериментов. Кроме того, сами элементы утопического эксперимента иные, поскольку существуют принципиальные различия между реалистическими и утопическими экспериментами. Но общая схема структуры утопического и реалистического эксперимента выглядит следующим образом: субъект - средства освоения социальной действительности социальный объект. В любом эксперименте необходимо присутствие субъекта, объекта и средств познания и освоения социальной реальности. В утопическом эксперименте субъект предстает как организатор-исследователь в освоении новой социальной реальности, мысленно конструируя модель коммуны. Социальный объект - тот коллектив людей, желающих быть участниками создания воображаемого, желаемого социума. Создавая коммуны, желая уйти от реальной жизни, ее противоречий, трудностей, участники эксперимента разделяют утопические идеи субъекта эксперимента, становясь соучастниками и создателями новой социальной реальности. Здесь в процессе сотворчества новой модели социума происходит взаимосвязь, переплетение субъект - объектных и субъект-субъектных отношений. Вообще, на наш взгляд, в утопических социальных экспериментах нет строго детерминированной схемы упорядочивания элементов структуры, как, скажем, в научных экспериментах, в том числе, в реалистических социальных экспериментах.

Вряд ли объединение в коммуны на основе идеи создания лучшего общества мыслилось его организаторам как утопический эксперимент. Скорее, что был определенный способ видения, а затем и освоения социальной реальности. Но несомненным представляется одно - данный феномен существовал и существует; следовательно, как целостный феномен он требует определенного анализа и оценки.

Мы рассматривали в предыдущих параграфах последовательность этапов реалистического социального эксперимента. Анализ утопических экспериментов наводит на размышления о наличии в утопических экспериментах не этапов и их строгой последовательности, а определенных "жизненных циклов", проходимых большинством "живых утопий". Об этом же, то есть определенных фазах в утопических экспериментах, пишет Э.Я.Баталов. Первая фаза - принятие решения о создании общины. Она нередко является итогом долгих дискуссий и сопровождается высоким эмоциональным подъемом.

Одна из активисток русского коммунитарного движения 70-х годов прошлого века вспоминает: Ночи напролет шумели, яркие картины рисовались перед нашими взорами. Увлечение так охватило всех, что когда ЗАЯВИЛИ о необходимости сделать предварительный опыт коммунической жизни и для этого собрать средства, то на стол начали бросать все, что у кого было. Виардо сорвала часы, брошь, кольца. Бларамберг - серьги, все деньги из кошелька. Кто-то принес турецкую шаль. А у одной курсистки ничего не было в наличии - она немедленно отправилась к парикмахеру, срезала свои чудесные волосы и внесла свою ленту в 3 рубля⁶¹.

---

⁶¹ Баталов Э.Я. В мире утопии. М. 1989. С.78.

2 Туган - Барановский М.В. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. Спб., 1913. С.87.

Вторая фаза в становлении коммун - организация общины и координация усилий, обеспечивающих первичное становление нового коллектива. Она часто была сопряжена с организационными трудностями и даже чисто физическими испытаниями, связанными с мобилизацией финансовых средств, выбором места поселения, покупкой земли и переселением - особенно когда предстояло, перебираясь из Европы в Америку, пересечь Атлантический океан. Иные общины, как например, икарийцы, сразу же попадали в трудное положение. Однако даже в этих условиях зерна будущих конфликтов еще не давали всходов, и ради завтрашнего счастья все готовы были на какое-то время смириться с острыми проблемами, конечно же, временными.

Однако раньше или позднее наступала третья фаза - регистрация отклонений от признанного социального идеала, тщетные попытки преодолеть разногласия и раздоры. Причины их были разнообразны: несоответствие реального жизнеустройства принципам референтной доктрины; отсутствие средств; разногласие по поводу дальнейшей стратегии общины; борьба за власть; ревность, особенно в тех общинах, над которыми витал дух свободного эроса и т.п. Иногда распри завершались соглашением спорящих сторон и миром - до новой вспышки раздоров. Но нередко случалось и так, что соглашения добиться не удавалось, и тогда наступала фаза реорганизации, которая часто заканчивалась расколом и отпочкованием новых общин, порывавших порой радикальным образом с материнской общиной. Бывали случаи, когда коммуна переживала повторный раскол и отпочкование. Так произошло, например, с икарийской (кабетистской) общиной в Америке, вся история которой наполнена драматизмом. В 1860 году, после первого раскола Кабе был исключен из общины и вместе со своими единомышленниками в количестве 180 человек покинул Икарию и обосновался в Сент-Луисе, где вскоре умер. После ряда перипетий его сторонники создали новую коммуну в Челтенжеме, недалеко от Сент-Луиса.

Коммуна начала было становиться на ноги, но история повторилась. "Большинство» состоящее в основном из старых членов, хотели иметь лидера, облаченного диктаторской властью, в то время как молодые элементы защищали демократическую форму правления. Борьба закончилась полной победой консервативных элементов, и потерпевшее поражение меньшинство в числе 42 человек вышло из общины. Уход стольких работоспособных людей был для юной общины тяжелым ударом, от которого она уже никогда не могла оправиться»⁶².

Расколы продолжали преследовать и ту часть икарийцев, которая осталась в Науво после ухода Кабе, а затем переселилась в Корнинг, штат Айова. И здесь линия раскола формально пролегла между "молодыми" и "стариками", которые с точки зрения первых, отошли от провозглашенных ими же принципов и действовали неэффективно. И здесь дело, в конце концов, кончилось ссорой и разрывом, следствием чего стала новая организация.

Существуют и существовали утопические общины, где реорганизация и отпочкование не всегда свидетельствовали о кризисе утопической общины. В практике гуттеритов, самой стабильной из религиозно-утопических общин, самой стабильной из когда-либо существовавших в истории, отпочкование происходит каждые пятнадцать лет. Историю раскола или отпочкования той или иной общины можно продолжить, но это предмет особого разговора. Нас интересует в общем виде исторически сложившийся цикл "жизни" утопических общин, отражающий последовательность реализации общественного идеала. Как мы убедились, схема этапов утопических экспериментов принципиально иная в отличие от реалистических социальных экспериментов, где целенаправленное действие отражает строгую упорядоченность этапов реализации исследовательской программы.

---

⁶² Хилкуит М. История социализма в Соединенных Штатах. Спб.,1907. С.95.

Подводя итог рассмотрению циклов в утопических экспериментах, приведем слова из упомянутой книги Э.Я.Ваталова⁶³: "Где-то в той или иной общине те или иные утопические идеалы получали практическую реализацию. Но..., во-первых, эти идеалы были реализованы в ограниченных пространственно-временных масштабах. Во-вторых, они не привели к созданию стабильного утопического альтернативного мира. Наконец, и это, быть может, самое важное, ни в одной из общин не удалось добиться того (пусть в ограниченных масштабах, пусть даже на короткое время), чтобы все названные идеалы получили одновременное осуществление, чтобы они были реализованы как целостные системы».

Там, где был достигнут экономический достаток, как например, у аманитов, гуттеритов или рапиистов, духовная жизнь (за исключением ее религиозного аспекта) оставалась на низком уровне и ни о какой гармонически развитой личности не могло быть и речи. Там же, где много внимания уделялось формированию этой личности и вопросам воспитания молодого поколения на новых гуманистических принципах, где царил "духовный мир", как это было в Брук Фарм или "Новой Гармонии" – там ведение хозяйства оставляло желать много лучшего, что в конечном счете подтачивало устои общины и вело ее к быстрому распаду. Целостного идеала - идеала гармонически развитой личности в свободном, экономически и культурно-процветающем мире - не удалось реализовать никому.

Остановимся на функциях утопических экспериментов. Мы говорили, что существующие два класса социальных экспериментов имеют свои специфические функции. Но существует один момент, который в равной степени присущ как реалистическим, так и утопическим экспериментам. Речь идет о проектировании образа будущей реальности. Конечно, сам процесс построения будущей социальной реальности и, следовательно, общественного идеала, воплощенного в ней, носят характер желаемого

---

⁶³ Ваталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989. С.246.

общества в утопических экспериментах, и возможного и вероятного построения образа будущей социальной реальности в реалистических социальных экспериментах. Речь идет о том, что двум классам социальных экспериментов свойственна конструктивная функция. Но есть функции, которые свойственны только утопическим экспериментам, определяя специфические особенности именно этого класса экспериментов. Мы выделили две такие функции - это критическая и компенсаторная. Возникновение такого феномена, как утопические общины, в целом связано с причиной существующего строя, установленного в данном обществе государственного строя. Недовольство определенной группой людей существующим строем приводит к мысли о переустройстве, изменении общественного порядка, своеобразным «бегством» из реального общества в общество желаемое.

Утопист - это всегда критик, бунтарь, порой еретик, который не сможет, не хочет смириться - пусть только в мыслях, со своей участью, с участью окружающих его людей, с участью, уготованной - как он ее видит - человечеству.

Другой специфической функцией утопических экспериментов является функция компенсаторная. На это обращал внимание русский правовед И.Новгородцев: "Для нуждающихся и обремененных, для бедных тружеников земли нужны впереди светлые перспективы, и эти перспективы даются в образе ожидаемого совершенства жизни. Усталые путники на жизненном пути, люди ищут отдохнуть и забыться в сладких мечтах о счастье, пережить хотя бы в воображении это блаженное состояние, где нет более ни борьбы, ни тревог, ни тяжкого изнурительного труда"⁶⁴.

Но утопия не просто утешает. Она вселяет надежду, наделяя казалось бы потерявшее смысл существование новым смыслом. Она как бы

---

⁶⁴ Новгородцев Д. Об общественном идеале. М., 1917. С.25

компенсирует, дополняет "ущербней" мир, позволяя совершить, или обрести в воображении то, что невозможно обрести, или совершить в реальной жизни. Это хорошо показано Мортонем на примере одной из английских утопий XVIII века, а именно "Описания Нового Света", называемого сияющим миром Маргариты Кэвендиш, герцогини Ньюкаслской, в которой она рассказывает, как быстро завоевывает симпатии обитателей "Сияющего мира" и становится императрицей, то есть достигает всего того, что никак не могла добиться в реальной жизни. "Благодаря непревзойденной бесхитростности этой утопии,- пишет А.Л. Мортон, очень скоро становится ясно, что все фантазии здесь всего-навсего компенсация за поражение. В изгнании Маргарита Кэвендиш мучительно переживала унижение ее знатного рода, лишение богатства и ощущала ненависть к победоносной Республики. Эта эксцентричная, старомодная женщина - "синий чулок" - служила мишенью насмешек распутных царедворцев, окружающих Карла II за границей. И вот в отместку она произвела себя в императрицы несуществующей страны, осыпала себя в мечтах бриллиантами, позволяя себе высмеивать или изгонять тех, кого она ненавидела или была неспособна понять. По этому пути, добавляет Мортон, пошел и Джонатан Свифт – всю разницу создает лишь обаяние его гения»⁶⁵.

Элемент компенсации и утешения содержится едва ли не в каждой утопии, ибо рождение редкого утопического проекта не сопряжено со страданиями, неудовлетворенностью существующим обществом, с переоценкой ценностей, с ощущением утраты - частичной, или полной - смысла собственного существования и жгучей потребностью обрести надежду на возрождение этого смысла в воображаемом бытии.

Таким образом, мы остановились на структуре и функциях утопических экспериментов. Мы пришли к выводу, что утопические эксперименты составляют особую, специфическую группу социальных экспериментов.

---

⁶⁵ Мортон А.Л. Английская утопия. С.123.

Анализ утопического сознания, своеобразно отражающего реальную социальную действительность, раскрывает сложность, уникальность такого явления как утопия, утопический эксперимент. Утопический идеал служил, таким образом, эталоном, предназначенным для того, чтобы сверять с ним практически ориентированные проекты, или для демонстрации несовершенства существующих обществ и указания тех направлений, в которых надлежит действовать в повседневной жизни.

Другую группу социальные экспериментов мы условно определили как класс реалистических социальных экспериментов. Главная особенность данной группы экспериментов - познавательный-информационный характер, направленность на приращение нового социального знания; ориентация как на перспективный метод социального прогнозирования; наконец, важной функцией класса реалистических социальных экспериментов является диагностическая, то есть выявление проблем функции и развития социальных связей и отношений, анализ состояния социальных объектов и процессов.

Выделив два класса социальных экспериментов, мы должны признать, что эксперименты - это абстракция, для которой есть некоторые основания; на деле же в каждом социальном эксперименте есть моменты утопии и реальности, но в разном соотношении.

ГЛАВА III. РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УТОПИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И УТОПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В предыдущей главе речь шла о классификации социальных экспериментов - о классе утопических и классе реалистических социальных экспериментов. Такая классификация необходима нам для обозначения разнонаправленности цели и функций социального эксперимента как системы познавательной, поисковой, с одной стороны, так и системы, направленной на освоение новой социальной реальности.

Но анализ конкретно-исторических форм социальных экспериментов показывает: условно названный нами класс утопических экспериментов обладает совершенно очевидно реалистическими чертами; в классе же реалистических социальных экспериментов столь же очевидно мы обнаруживаем утопические черты, а потому остановимся более подробно на диалектике утопического и реалистического в социальных экспериментах.

§1. Реалистический аспект утопического эксперимента.

Появление новых форм общественной жизни, коренится в практических потребностях людей, в противоречиях их реальной жизни, порождающих более или менее осознанные и теоретически осмысленные намерения, проекты и программы. Мы рассмотрели новые формы общественной жизни - это утопические и реалистические - эксперименты, определив критерии их различия, функции, их идейную и познавательную основу. Еще раз подчеркнем, что в основе реалистических экспериментов лежит необходимость инноваций, изменить, совершенствовать общественные отношения, исходя из конкретно-практических потребностей людей, исходя из реальных потребностей и интересов. Утопический социальный эксперимент как новая форма жизнедеятельности субъектов в основе своей содержит субъективно-идеалистическое представление (образ)

о новой социальной реальности и "навязывании" этого образа реальной социальной жизни. Отсюда образование различных коммун, общин, стремление уйти от реальной действительности, противоречий реальной жизни, подняться над настоящим, создав модель будущего микромира из конкретных утопических экспериментов приводит к выводу о том, что в самом утопическом эксперименте мы обнаруживаем черты реалистического характера, иначе говоря, утопический социальный эксперимент содержит реалистический аспект. Обратимся к уже известному примеру - израильские киббуцы. Создавалась коммуна киббуцев в соответствии с тем идеалом, который был типичным для многих утопических экспериментов: равенство для всех членов коммуны, общая собственность, общее жилище. В 1910 году десять парней и две девушки, выходцы из России, положили основу сельскохозяйственной общине в долине Иордана, на берегу Галилейского озера. Это была «Дгания» - первое киббуцное поселение, "матерь" киббуцев. В организации киббуцев лежат принципы коллективной воли, каждое решение дебатруется так долго, пока с ним не соглашаются все; отсутствие денег и личного имущества, строгая добродетельность, доверие и поочередное занятие всех должностных мест. Цель была - создать страну, в которой все могли бы себя чувствовать дома. «Конечно же, это социалистическая, даже коммунистическая ячейка, почти такая же, как она была описана в социалистических утопиях,- говорит один из старейших киббуцников Бен Саул, - Помните сны Веры Павловны о романе Чернышевского "Что делать?"

«Мы их осуществили» - продолжил Бен Саул.

Основатели киббуц начинали с нуля, жили в палатках на голом месте, рыли первые колодцы, сажали первые деревья. Все начиналось с упорного, фанатичного, многолетнего труда, который в конце концов превратил песчаные дюны в цитрусовые сады, исторг из песка и пашней хлеб, фрукты, овощи, "Вторая алия," то есть второй волны иммиграция, прибыла из России,

это были юноши и девушки из "черты оседлости" Российской империи, среди них много учащихся старших классов и студентов, подвергавшихся гонениям со стороны царских властей за свои симпатии к революционному движению России. Они не были приучены к тяжелому физическому труду, и это тоже стало одной из причин, почему они избрали для себя путь коллективного труда.

Подробное описание начала становления киббуцев как утопической общины необходимо нам для иллюстрации вывода о том, что в основании утопических экспериментов, несомненно, есть реалистический аспект, который фиксирует предметно-практическую реальность как онтологическую основу утопического идеала.

Рассмотрим далее реалистический аспект в содержании киббуцев. На наш взгляд, функционирование киббуцев более семидесяти лет на израильской земле обусловлено в значительной степени тем, что киббуцы как социальный эксперимент носит характер единичного социального явления, сохранив характерные только для данного явления свойства и структуру. Попытка экстраполировать единичное на всю социальную действительность (в данном случае на все государство Израиль) качественно изменило бы свойства и черты единичного явления, "растворив" в общем ту определенность, которая присуща лишь единичному явлению.

Киббуцы - это лаборатория, это эксперимент, очень важный для всех. Принципы организации жизнедеятельности людей в киббуцах отражают реальные, объективно существующие потребности и интересы субъекта, социальные связи и отношения сконструированы соответственно реальной практике, совершенствуются и изменяются соответственно реальным потребностям людей. Практический опыт, накапливаемый в киббуцах, дает основание для последующего осмысления роли социального эксперимента как специфического способа предметно-практического, инновационного преобразования социальной действительности.

На наш взгляд, реалистический аспект утопического эксперимента обусловлен объективностью протекающих в нем закономерностей. Поясним данную мысль. Поскольку всякий социальный эксперимент только тогда остается экспериментом, когда является единичным, качественно определенным явлением. Но всякое единичное социальное явление функционирует по определенным объективным законам, являясь микро-моделью целой социальной системы, развивающейся тоже по определенным объективным законам; целое и часть взаимодействуют. В случае несовпадения функционирования объективных связей и закономерностей части и целого, нарушается единство всей социальной системы, социальный эксперимент как единичное теряет свою качественную определенность; жизнедеятельность в коммунах угасает по мере ослабления объективных связей. "Любой из экспериментов может быть осуществлен, пока, это укладывается в общую тенденцию и никому не вредит,-" говорит Вартофский М⁶⁶.

Реальная жизнедеятельность в киббуцах обусловлена объективными законами целостной социальной системы, что обуславливает ее относительную долговечность.

Киббуцианское движение - массовое движение, существующее уже свыше семи десятилетий. Оно хорошо организовано, имеет свои школы, свою печать и даже свой университет. Труд киббуцников лежит в основе современного Израиля в первые десятилетия существования государства; выходцы из киббуцев в Израиле часто занимали высшие должности. Религиозных киббуцев в Израиле мало, около пятнадцати из общего числа примерно в двести пятьдесят поселений. Во всех остальных киббуцах живут сторонники левых идей и левых партий, они, как правило, атеисты. Ведение хозяйства и принципы управления во всех киббуцах одинаковы, но вот в

---

⁶⁶ Вартофский М. Модели . Репрезентация и научное понимание. М., 1996. С.134.

некоторых киббуцах построены синагоги, а в других местах строят клубы, театры, спортивные залы. В синагогах не только молятся, но и ведут дискуссии о Раше и Рамбаме, о спорных вопросах в толковании Библии и Талмуда, а в иных левых и ультралевых киббуцах вы услышите лекции об учении Маркса, о Ленине, о современных проблемах социализма. Все это Израиль, где много смешалось, переплелось. Вот что рассказывает один из журналистов, побывавших недавно в одной из киббуц - Эйн Ахораш на севере Израиля. "В какой бы киббуц я не приезжал, мне показывали одно и то же. Прежде всего, просторный цветущий сад с экзотическими деревьями и растениями, с зелеными полянами, застроенными маленькими уютными домиками по три или четыре в ряд, перед каждым из них небольшая терраса и свой крохотный садик, засаженный кактусами и цветами. В этих домиках живут члены киббуца, у каждого свой домик, точнее, своя отдельная квартира, как правило, небольшая, чаще всего двухкомнатная, обставленная по вкусу хозяина. Квартирки все современные, с ваннами и санузлами, но без кухни - их заменяют небольшие газовые или электрические плиты, установленные в прихожей, в нише коридора. Необходимости в своей кухне, как мне объяснили, не ощущается, во-первых, потому, что киббуцники обычно питаются в столовой киббуца, где пища не отличается от домашней, и, во-вторых, еще потому, что дети не живут в этих квартирках вместе с родителями, а в отдельных, прекрасно оборудованных домах-интернатах, расположенных поблизости в том же общем саду. Каждый из этих интернатов рассчитан на определенный возраст, год за годом дети переходят из одного дона в другой, и так вплоть до своего совершеннолетия. Потом мне показывали общественные постройки - столовые, библиотеки, мастерские, площадки для игр и спортивных занятий, клубы с просторными зрительными залами, вертящимися сценами и другим современным оборудованием. Эти постройки поражали иногда своими размерами, ультрасовременной архитектурой, фресками и скульптурой, созданными местными художниками-любителями. Следующими объектами для осмотра обычно

были фабрики, мастерские, лаборатории, существующие в каждом киббуце и производящие семь различных изделий,- от бочкотары и мебели до электронных схем и фармацевтических товаров. Индустриальный сектор в киббуцах стал необходим после того, как сельскохозяйственное производство себя исчерпало, оно давно ведётся интенсивным способом и, так как земельных резервов нет, появилась индустрия, которая развивается вполне успешно, хотя и создает множество проблем.

Подробное описание жизнедеятельности субъектов в израильских киббуцах, необходимо нам для обоснования тезиса о существовании реалистического аспекта в утопических экспериментах.

Объективно существующая предметно-практическая деятельность субъектов в коммунах реально изменяет и совершенствует бытие, как каждого субъекта, так и жизнедеятельность всей коммуны. Наличие реалистического аспекта в утопическом эксперименте свидетельствует о сложной структуре данного социального явления, отражающего действительный мир во всей его многообразии и противоречии. Киббуцы по своей сущности все же остаются утопическим социальным экспериментом. Во-первых, потому, что воплощенные в цели киббуцников идеалы носят утопический характер. Образ будущей социальной реальности сконструирован, исходя из субъективно-идеалистического представления о реальной жизни; попытка реализовать утопические идеалы о равенстве всех граждан, общности собственности на землю, личное имущество, производства и потребления некоторое время, несомненно, удавалось. О чем свидетельствуют приведенные выше примеры. Но существуют действительные факты, свидетельствующие о том, что киббуцы давно перестали расти. Одни называют киббуцы новым гетто или "гетто богачей", другие обвиняют их в том, что они изолировали себя от остального Израиля, третьи говорят, что эти новые богачи - эксплуататоры и живут за счет государственных субсидий. В киббуцах проживает три процента населения Израиля, киббуцы

давно перестали расти, молодые люди, родившиеся и воспитанные в киббуце, нередко уходят из киббуц, как только достигают совершеннолетия; жизнь в киббуце их больше не удовлетворяет, у них другие желания и потребности, существует нечто такое, что почти всякому человеку дороже самых лучших его выгод, собственное, вольное и свободное хотение, даже собственный каприз, своя фантазия - самая выгодная для него выгода.

Второй вывод органически связан с первым, киббуцы как коллективистский эксперимент, по своему существу, является искусственной формой жизнедеятельности людей, так же, как и другие социальные утопические эксперименты. Утопический идеал сознательно реализуется в социальной практике, происходит трансформация реальных представлений о жизни через создание у субъектов образа будущей социальной реальности. Образа, скорее, желаемого будущего, наделенного свойствами творческой фантазии субъектов. Отсюда игнорирование конкретно исторического движения социальных процессов, естественной направленности пространственно-временных параметров, стремление опередить естественный ход событий через реконструкцию прошлого либо искусственного конструирования будущего.

Но историю, также как и природу, обмануть нельзя. Утопическое, в форме мысленных идеалов, вступает в противоречие с тем реальным процессом жизнедеятельности субъектов, который выступает в форме предметно-практических преобразований во вновь созданном социуме. Можно иначе сформулировать данное противоречие как противоречие между утопическим и реалистическим в социальном эксперименте. Длительный и необычный социальный эксперимент - миссионерская деятельность членов Ордена Иисуса в Парагвае. Государство Иезуитов просуществовало более 150 лет. Если рассматривать длительность как категорию исторического времени, то она есть выражение концентрации противодействия утопического и реалистического. В рассмотренном выше примере - израильских киббуц -

реалистический аспект выражен сильнее, поглощая утопическое, которое скрыто за внешней материальной деятельностью субъектов.

Интересную страницу в истории утопических экспериментов в России представляет книга А.И. Клибанова «Народная социальная утопия в России», в которой, с точки зрения рассматриваемой выше проблемы, в самой утопической идее народных мыслителей, отражена действительная реальная жизнь конкретного русского поселения, идеализированная в соответствии с общими представлениями о Добре, Правде, Справедливости⁶⁷.

Идеал правды в народном сознании выступал не только как этический, но и как социальный идеал. "Отыскать правду всегда то тумане, го яснее значило "сотворить новый свет"⁶⁸. Источником, "питающим" утопическое сознание народных мыслителей, являлось христианство апостольских времен в качестве идеала, образца, модели для жизни верующих, как бы тому не противоречила действительность. Община была православной. В аспекте психологическом для членов общины было важно, что дело, которое они осуществляли, продиктовано не самоумилением их, "не гордыней", а является восстановлением того, что некогда уже существовало и освящено именем Христа и что таким образом они лишь возвращаются к исходным, исконным началам веры и жизни.

Диалектика жизни такова, что противодействие утопического и реалистического в социальном эксперименте объективно ведет к противоречию; в самом социальном эксперименте вследствие данного противоречия происходят неизбежно структурные изменения, нарушается целостность всей конструкции, отдельные элементы поглощаются социальной системой, растворяясь в ней, другие же становятся историческим опытом в форме социального знания.

---

⁶⁷ Клибанов А. И. // Народная социальная утопия в России. М., 197с.

⁶⁸ Так же. С.4В

Таким образом, анализ содержания утопического социального эксперимента приводит к выводу о наличии реалистического аспекта, выражающего объективность существующих в утопических экспериментах социальных связей и отношений.

§ 2. Утопический аспект реалистического эксперимента

Анализ содержания социальных экспериментов показывает, что "чистых" социальных экспериментов нет: существуют различные типы и модификации социальных экспериментов; выполняемые ими функции направлены на реализацию воплощенного в целях и задачах социального идеала, развивающегося вместе с социальной реальностью и теми общественными силами, которые открывают и моделируют его. Общественный идеал - воплощение тех намерений и желаний субъекта, который он хотел бы осуществить и реализовать, абстрагируясь от объективной социальной действительности, основываясь на опережающей функции сознания. Создаваемые субъектом образы будущей социальной реальности, несомненно, детерминированы объективной социальной действительностью. Но несомненным является также то, что элемент фантазии, мечты органически вплетен в мыслительный процесс создания образа абстрактного социума, то есть применительно к нашей теме, речь идет об утопическом аспекте реалистического эксперимента. Утопическое измерение всегда было присуще общественному сознанию и культуре. Противоречия общественного бытия и порождаемые ими критический дух, присущие всем стадиям социального развития, стремление преодолеть существующие границы научного знания и заглянуть в такие пространственные и временные пределы, о которых наука не может сказать пока ничего определенного, потребность в эстетическом освоении мира и воссоздании его человеком в своих творениях по законам красоты – все это неизменно обуславливает воспроизводство утопического сознания, усиливает утопическую традицию.

Итак, утопическая традиция в социальном развитии переплетается с реалистической тенденцией развития, вступая в противоречие, порой непримиримое. Две тенденции в общественном развитии никогда не будут равновелики, тождественны, они всегда противоположны, их сущностные и глубинные характеристики разные, развитие связей и отношений определяется собственными, специфическими законами.

Утопический аспект в реалистическом эксперименте представлен теми формами сознания и практического действия, которые способны создавать иллюзию идеального преобразования социальных связей и отношений, умозрительного конструирования будущего социума, не отражая реального действительного положения в обществе. Рассмотрим пример с молодежно-жилищными комплексами. На наш взгляд, МЖК - пример реалистического социального эксперимента; по типу представленных в нем структурных элементов, по форме реализации цели - это скорее инновационный социальный эксперимент, то есть "представляющий собой диагностику новшества пробные нововведением»

На начальном этапе МЖК действительно представляли социальный эксперимент со всеми присущими ему атрибутами: познавательный характер его задач и целей, новаторское, то есть качественно иное структурное построение социальных отношений и связей в процессе реализации цели, локальность и единичность данного социального феномена, И многое другое.

Нам необходимо отметить, что уже в самой цели были сформулированы утопические идеи, ориентированные на коммунитарность образа жизни, коллективистские принципы организации жизнедеятельности субъектов, выражающие в совместном отдыхе, разделении, занятии спортом, обменом информацией и так далее. Идейными источниками были работы Т.Мора, Т.Кампанеллы, Фурье» Р.Оуэна, Сен-Симона, Платона и Аристотеля. Утопический аспект заключается, на наш взгляд, еще и в том, что организаторы данного социального эксперимента попытались изолироваться

от остальной социальной реальности, установив собственные законы бытия и деятельности, создав сообщество субъектов в конкретной ситуации. Но реальность такова, что утопические идеалы и практические действия на определенном этапе их реализации вступают в противоречие с действительной социальной реальностью. Умозрительные, субъективистские произвольные конструкции социума не находят опоры в реальной жизни общества, поэтому рушатся, реалистическое начинает доминировать над утопическим аспектом. В этом состоит диалектика утопического и реалистического в социальном эксперименте. Когда предлагается, абстрагируясь от социальной реальности, взять за отправную точку произвольно заданную цель и в регрессивном порядке вывести условия и средства ее достижения – это опасный путь.

Но речь идет в данном случае об утопическом аспекте реалистического социального эксперимента, выраженного в реализации утопических, искусственных принципов построения жизнедеятельности субъектов. Конечно, само реальное существование МЖК - явление достаточно конкретное, естественное в рамках конкретного общества, а потому "вписывающегося" в реальную действительность и впоследствии, когда МЖК становится не единичным явлением, а довольно распространенным явлением, на наш взгляд, МЖК. теряет статус социального эксперимента.

Анализ содержания реалистических социальных экспериментов показывает, что в реалистических социальных экспериментах мы обнаруживаем утопический аспект, представленный в форме теоретических конструкций, не имеющих аналога в действительном, предметном мире, но, тем не менее, претендующих на универсальность, практическую реализуемость, законообразность. Причина неэффективности, "провала" ряда социальных экспериментов заключается в противоречии между утопическим и реалистическим в самом эксперименте, развивающемся в антагонизм и приводящим в конечном итоге, к саморазрушению и

самоуничтожению социального эксперимента. Будет неполной характеристика социального эксперимента, его сущностных черт, если не обратимся к еще одному примеру из класса реалистических социальных экспериментов, рассмотрев утопический аспект в нем. Речь идет об эксперименте в школе - обучении детей с 6-ти летнего возраста. Наряду с реальной целью, поставленной организаторами, а именно обучение детей с 6 лет в форме игры и постепенном переходе к учебным занятиям на уровне школьных программ, - на наш взгляд, были и утопические идеи, а именно: в основе лежал не индивидуальный подход, а принципы коллективистского, коммунитарного сообщества, равного распределения ролей и возможностей, общности всех и вся. Реальная учебно-педагогическая деятельность практически опровергла ряд идей и принципов, положенных в основу эксперимента. И в конечном итоге эксперимент был прекращен. В данном случае утопический аспект как умозрительная схема построения новых социальных отношений и связей в локальной сфере социальной жизни (педагогическая сфера) доминировал над реалистическим аспектом в социальном эксперименте, как противоположность вступает в противоречие с другой противоположностью, и как результат этого противоречия - прекращение деятельности социального эксперимента. Тот общественный идеал, который был положен в основу воспитательного процесса, изначально содержал неадекватные практическим возможностям субъекта теории и идеи, Конечно, сам механизм реализации теории в практическую жизнь очень сложен, представляет собой многоуровневый процесс, корректировка практикой происходит на каждом уровне реализации теории, вследствие этого становится понятным, почему многие социальные эксперименты неэффективны. Как показывает практика социального экспериментирования, утопический аспект в социальном эксперименте может представлять лишь часть тех производных черт социального эксперименте, которые составляют "оболочку", наряду с относительно устойчивым ядром. Это производные черты, как и конкретные формы воплощения сущностных черт, не могут

быть определены априори. Они выкристаллизовываются в процессе происходящих преобразований и могут существенно варьироваться в зависимости от условий места и времени, каждый конкретный реалистический эксперимент представляет сложное социальное явление, в котором диалектически переплетаются реалистический и утопический аспекты. В ходе практической реализации, обусловленные объективными условиями, утопические идеи могут претерпевать сущностные изменения, наполняясь реальным содержанием. Научно выверенный идеал и утопическая мечта могут идти рука об руку - нужно только не смешивать их друг с другом и не выдавать порожденную частным интересом мечту за научную истину. А для этого необходимо развивать рефлексивное отношение к утопическому сознанию и его порождениям.

Историческая закономерность парадоксальна: когда утопии начинают реализовываться в социальной практике, они преимущественно реализуются как антиутопии.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что утопичность многих реалистических экспериментов проявляется не только от идеи, но и от практического действия: идея может быть истинна, а ее реализация не обеспечена.

По мнению Чертковой Е. Л. утопия может превращаться в утопизм, когда утопия «покидает сферу чистого духовного опыта, вырабатывающего прекрасные идеалы, обращенные к воображению и чувству человека и призванные развивать и обогащать их, и становится активным элементом социально-практического сознания, становится фундаментом политических программ, требующих своей реализации».⁶⁹ Утопизм в данном случае рассматривается как «непреднамеренный продукт», т. е. независимый от целей создателей утопий результат реализации идей в социуме.

---

⁶⁹ Черткова Е. Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму). Вопросы философии, 2001. №7. 57с.

Важнейший вывод следует из рассмотрения вопроса об экстраполяции социальных экспериментов. На наш взгляд, только тогда необходимо говорить об эффективности того или иного эксперимента, когда он состоялся как единичный творчески-созидательный процесс в ограниченной области социальной действительности. Итоги любого реалистического социального эксперимента могут быть утопичны в случае расширения данного эксперимента на более широкую социальную действительность вследствие изменившихся объективных условий, усиления субъективистских тенденций, быстро меняющихся настроений и желаний людей в обществе. Вопрос о необходимости экстраполяции итогов какого-либо социального эксперимента, на наш взгляд, крайне сложен и требует особого рассмотрения.

Одним из важнейших условий представительности результатов социального эксперимента является их устойчивость. Показателем устойчивости результата социального эксперимента является возможность его воспроизведения в аналогичных условиях (на сходных ее объектах), если результат эксперимента является положительным, то устойчивость этого результата представляет одну из важнейших предпосылок успешности экстраполяции социальной системы, изученной в эксперименте. Чем продолжительнее эксперимент, тем устойчивее результаты.

Следовательно, одним из условий успешной экстраполяции социального эксперимента является устойчивость эксперимента. В данном случае речь идет об экстраполяции результатов реалистического социального эксперимента, то есть теоретических выводов и заключений, полученных в процессе реализации исследовательской программы. А как мы отмечали ранее - это сложный социально-психологический механизм практических и мысленных операций, требующий на каждом этапе глубоких теоретических знаний, компетентности, высочайшего профессионализма, знания

психологии человеческого общения, ответственности. Экстраполяция теоретических выводов социального эксперимента с одного объекта на целый класс объектов может быть несостоятельной, если результаты одного эксперимента будут отрицательно-неопределенные. В этом случае потребуется пересмотр алгоритма всего социального эксперимента, если он возможен, если повторение не является тем порогом, за которым следует ограничение на продолжение и воспроизведение эксперимента. Ограничения могут быть вызваны различными социально-психологическими причинами. Отрицательно-скептическое отношение к социальным экспериментам в нашем обществе вызвано не только непониманием, незнанием самой сути социального эксперимента как своеобразного способа творчески-преобразовательной деятельности, но и тем, что мы часто экстраполируем вероятностные теоретические суждения, даже программы, содержащие вероятностные теоретические конструкции, без подтверждения их экспериментальным путем, в локальной социальной среде. Экстраполяция "шагает" впереди эксперимента. На наш взгляд, в этом просчет и ошибка многих теоретических конструкций, содержащих новизну и правильный расчет, направленных на совершенствование, научный, технический прогресс в обществе. Без практического воплощения новаторской идеи, мысл С.60.

ограниченной социальной среде, одном и нескольких объектов экстраполяция в более широкой социальной реальности может быть трагичной для человека. История нашей страны служит тому подтверждением.

Вопрос о взаимосвязи экстраполяции и реалистического социального эксперимента может быть рассмотрен в более глубоком смысле - в контексте соотношения теории и практики, сознания и реальности (материи), отражения как сложного, многоуровневого процесса воспроизводства социальной реальности через множество "шагов" и этапов в сознании человека. Во всей этой сложной иерархии понятий и феноменов,

составляющих единое глубинное понятие - жизнь, есть место и творчески-практическому преобразованию социальной действительности, полагавшему человеку "разоблачить природу", в том числе и человеческую природу. Речь идет о специфическом способе "разоблачения" человеческой природы и практики - эксперименте. Мы считаем экспериментальный диалог неотъемлемым достижением человеческой культуры. Он дает гармонию того, чего при исследовании человеком природы, последняя выступает как нечто независимо существующее. Экспериментальный метод служит основой коммуникабельной и воспроизводимой природы научных результатов. Сколь бы отрывочно ни говорила природа в отведенных ей экспериментом рамках, высказавшись однажды, она не берет своих слов назад: природа никогда не лжет». Безусловно, экспериментальный диалог в обществе не является безальтернативным способом познания и освоения социальной реальности, но данный способ, на наш взгляд, является тем "кирпичиком" здания новой конструкции, которое становится прочнее и надежнее, практически обоснованнее.

Включенность экспериментально-полученных теоретических выводов и заключений в экстраполяцию в качестве глубинных, сущностных оснований создает базу для последующих операций с теоретическими выводами, но уже в качестве первоначального теоретического базиса. Поясним мысль. Как мы уже отмечали, полученные в процессе реального социального экспериментирования реальные выводы и заключения должны быть экстраполированы с одного объекта на целый класс объектов, на более широкую социальную реальность. Экстраполяция возможна в случае получения устойчивых положительных результатов, не противоречащих человеческой природе. Полученные таким образом теоретические выводы, становятся приращенным социальным знанием. В итоге эксперимент реализует свою познавательно-информационную функцию, назначение которой в широком смысле - получение нового социального знания,

адекватно отражающего жизнь человека в микросистеме, каковым является контрольный объект в социальном эксперименте. Но новое социальное знание становится впоследствии первоначальным теоретическим базисом для последующих экспериментальных ситуаций. Метод экстраполяции начинает "действовать" на новом уровне исследования социальной реальности. Проблема состоит в том, чтобы включать в экстраполяции новый теоретический базис избранно, проецируя мысленно нравственно-этический критерий в социальном эксперименте как один из основных.

Таким образом, мы рассмотрели утопический аспект реалистического социального эксперимента. Что способствует возникновению утопических идей, которые органически вплетены в систему реалистического социального эксперимента? Думается, что, в первую очередь, это способность сознания к продуцированию идей, отражающих опережающий характер мыслительной деятельности субъекта. Создавая исследовательские программы, прогнозируя перспективные социальные модели, субъект-исследователь неизбежно мечтает, воображает, представляя будущую модель социальных отношений, абстрагируясь от реальных отношений в общества, тем самым допуская «утопический момент в гипотезу, практическая реализация которой в процессе экспериментирования неизбежно подвергается корректировке, отсекая утопические идеи.

Второй важный вывод состоит в том, что итоги реалистического социального эксперимента могут быть хорошими, но расширение этого социального эксперимента на все общество - утопия. Утопический аспект в реалистическом эксперименте представлен теми формами сознания и последствиями практического действия, которые способны создавать иллюзию идеального преобразования социальных связей и отношений, достаточно абстрактно репрезентируя реальную ситуацию в обществе. Утопические идеи по существу плохо соответствуют реальному бытию, не имеют явного и конкретного аналога в действительном мире.

§ 3. Основные тенденции в эволюции социального экспериментирования

До сих пор мы рассматривали социальный эксперимент как понятие, требующее научно-теоретического и философского осмысления, в то же время отвлекались от реальной картины социального экспериментирования. Думаем, что сейчас необходимо привести примеры широкого развертывания социального экспериментирования в нашем обществе. Но речь идет о реалистических социальных экспериментах, примеры утопических социальных экспериментов были приведены во второй главе.

Движение жизни, необратимость процессов инновационных приводит к необходимости применения метода социального экспериментирования. Начиная с конца прошлого столетия(80-е годы) процесс социального экспериментирования значительно активизировался. Можно выделить разновидности и характер проведенных с 1980 по 1986 социальных экспериментов: экономические – 161, эксперименты в промышленности – 71, в сельском хозяйстве и сфере услуг, представлены почти равноценно-30 и 31. Одинаков порядок представления в прессе экспериментов в строительстве и на транспорте - 26 и 21. Области же культуры, образования, здравоохранения и проблемы рынков представлены следующим образом: культура: - 8, образование - 5, здравоохранение – 4.

Аналитики отмечали несколько причин, несостоявшихся экспериментов:

1. нарушение принципов инновационных технологий: укрепленные показатели даются в мелкую разбивку; прибыль продолжает изыматься, в то время как финансирование нового строительства, реконструкции прекращается; новые методические и нормативные документы не поступают по времени перехода на новые условия.
2. Противоречия со старым порядком: сохраняются прежние условия премирования; обостряется проблема оплаты продукции неплатежеспособными получателями; обостряется проблема

несбалансированности планов по финансовым и материально-техническому обеспечению, по фондам на техническое перевооружение и реконструкцию.

3. Преобладает типовой нормативный эксперимент, а нужны эксперименты многовариантные, учитывающие местные условия.

Бурный подъем экспериментального движения продолжается и в современных условиях развития России. Эта активность приобрела форму социального движения. Во-первых, большинство экспериментов предпринимается как бы "снизу", но инициатива самих предприятий, учреждений, без указаний, а иногда и разрешений из центра. Во-вторых, почти все они расширяют самостоятельность коллективов, снимают директивные ограничения. И только сейчас появляется некоторое понимание роли самого экспериментального метода в развитии нашего общества в целом. Значение нынешней волны экспериментаторов заключается в том, что она указывает на поворот управленческого мышления от доктрины к опыту, что характерно для естественных и технических наук. Это придает большую доказательность принимаемых решений. Определенная рационализация управленческих процессов (через право, автоматизацию, методический правильный эксперимент) способствует вытеснению из них тех субъективных элементов, которые ставят решение в чрезмерную зависимость от индивидуальных особенностей руководителей, отсюда усиление потребностей в научной разработке экспериментальных процедур, целей и методов».

На наш взгляд, одна из тенденций в эволюции социального экспериментирования связана с реализацией диагностической функции реалистического социального эксперимента. Диагностическая функция реалистического социального эксперимента направлена на выявление новых свойств и отношений в социальном объекте, обнаружение новых качеств путем радикальных изменений и преобразований, контролируемых и обоснованных субъектом-исследователем. Обнаружить альтернативные пути

эволюционного развития социальных процессов и явлений с новыми качественными изменениями помогает инновационный социальный эксперимент, т.е. эксперимент решающий, включающий выбор вариантов, поиск самого решения проблемы. Ведь эксперимент есть комплексная диагностика новшества и важная часть того самого переходного механизма, ибо сначала в процесс нововведения вовлекается небольшая часть системы, экспериментальный объект, на котором новшество отрабатывается до тиражируемого состояния и уже потом распространяется по остальным объектам.

Мы рассматривали диагностическую функцию социального эксперимента во второй главе. Напомним, что её назначение заключается в адекватной оценке новшества на предмет его реализуемости и целесообразности. Цель всякого эксперимента, в том числе социального – выявление соответствия теоретической модели, построенной по принципу опережающего отражения действительности реальному предметному миру. Но диагностическая функция не ограничивается только оценочной стороной. Она определяет способность распознавать новые качества в состоянии социального объекта в процессе экспериментального исследования, отделить объективно-истинные результаты и выводы от сомнительных, не отвечающих потребностям субъекта социального действия и цивилизованного движения общества к прогрессу. Здесь диагностическая функция социального эксперимента "перерастает" в прогностическую. На основе анализа полученных выводов, да и в ходе самого эксперимента субъект-исследователь не только "проверяет", диагностирует признаки и состояние специального объекта, но получает возможность предсказывать альтернативные варианты развития социального объекта, возможность негативных последствий в ходе реализации той или иной теории. Происходит подлинный методологический подход к эволюции социальных процессов и явлений в обществе не на ощупь, путем проб и ошибок, как постоянно

практикуется в нашем обществе, где научно-философский анализ заменяется некомпетентностью, декларированностью, пренебрежением к научным результатам. Как мы видим, теория и практика социального экспериментирования, имеет прямой "выход" в реальную жизнь, что доказывает необходимость дальнейшей разработки методологических и теоретических основ социального эксперимента.

Продолжим наши рассуждения о тенденциях в социальном экспериментировании. Мы говорили о том, что одна из тенденций связана с реализацией диагностической функции. На наш взгляд, эта тенденция охватывает социальные связи и явления в обществе, как по горизонтали, так и по вертикали. Мы имеем в виду, те социальные объекты, которые включают в экспериментальную деятельность. Так научное управление обществом – от самого высшего уровня до уровня микросреды - охватывает социальные процессы, связи и явления, как по горизонтали, так и по вертикали. Роль социального эксперимента как творчески-преобразующей, инновационной деятельности в научном управлении обществом, несомненна.

Социальное экспериментирование в криминалистике, социальной психологии, педагогике, социологии уже имеет свою историю. Стремление получить новое знание об объекте, актуализировать потенциальные возможности социального субъекта, раскрыть его творческие возможности приводит к необходимости преобразовать и совершенствовать социальные связи и отношения определенной социальной сферы. Один из способов познания и преобразования данной социальной системы, формой инновационной практики является реалистический социальный эксперимент. Названные выше сферы социальной реальности - педагогика, социология, социальная психология и т.д. – представляют подсистемы, структуры которых можно назвать с полным основанием экспериментальными объектами. В каждой из названных сфер существуют определенные научнообоснованные приемы и средства реализации исследовательской

программы, очерчен круг задач, необходимых для решения в контрольной группе.

Так, в социальной психологии, одной из таких экспериментальных задач является изучение механизмов социально-психологической детерминации поведения индивидуума в группе. Основная тематика группируется вокруг вопросов: в чем заключается сила воздействия группы на личность в процессе ее социализации? Какие существуют пока скрытые от нас возможности научного управления становления личности? Какова структура взаимосвязи, взаимодействия ценностей ориентации, самооценки коллектива? Как складывается понимание индивидом своего места в нем и т.д. Особое внимание занимают работы американских ученых. Реализация диагностической функции реалистического социального эксперимента в указанных областях демонстрирует способность к восприятию социальными субъектами новаций, понимание ломки старых стереотипов и потребности развивать собственное видение мира, проявление эволюционного характера социального экспериментирования в последние годы демонстрирует и высшая школа. Вот некоторые примеры экспериментирования в высшей школе и размышления о них.

Теоретические вопросы социального экспериментирования в высшей школе на современном этапе очень слабо исследованы. Причин здесь много: это и социально-политические, которые по своему содержанию значительно глубже раскрывают неразработанность теоретических проблем экспериментирования в высшей школе, ибо раскрывают сущностную, глубинную характеристику с позиций общественного устройства, типов общества; это причины идеологического характера, когда развитие высшей школы определялось не интересами научно-технического прогресса, лежащего в основе любого высокоразвитого общества, а интересами классово-идеологической «верхушки» императивом которой было (и остаётся пока) жесткая регламентация вузов.

Эксперимент в высшей школе должен преследовать одну цель: эффективное обучение - эффективная практика - высокоэффективный уровень жизни общества. Поискам "эффективности" должны служить различного рода экспериментальная деятельность в вузах. Значительных успехов в осмыслении педагогических "опытов" достигла педагогика школы, где накоплен богатейший опыт по внедрению новых методов обучения и воспитания школьников. Это социальные эксперименты корифеев педагогики А.П.Макаренко, Сухомлинского, современных педагогов-новаторов.

Нам бы хотелось остановиться на примерах из области экспериментов, проводимых в высшей школе. Журнал "Вестник высшей школы" дает такую возможность, там открыта такая рубрика "поиск - эксперимент - практика". Обратимся к статье С.А.Смирнова "Понятие режиссуры игры в педагогике" (Новосибирский педагогический институт)⁷⁰. Речь идет о том, что образование по сути своей должно стать деятельностью рефлексивной. В школе (средней и высшей) человек призван изучать не объект, а себя; он должен осваивать мир, формировать свою жизненную позицию. Разумеется, нужно учитывать тот факт, что освоение себя идет через освоение другого, становящегося своим другим. Наиболее оптимальной формой такого диалогового контакта в образовании могут быть проблемно-игровые ситуации. В контексте таких ситуаций обучение было связано с развитием индивидуальных качеств (интеллектуальных, волевых и пр). На основе их человек может формировать свою личностную позицию, которая связывает все, что получено в обучении, в единую целостную, осмысленную картину мира.

Для решения задач воспитания и обучения необходимо создать гибкую систему проблемно-игровых ситуаций, в которых каждый субъект сможет

---

⁷⁰ Смирнов С.А. Понятие режиссуры игры в педагогике // Вести, высш.шк., 1966. №7. С, 15

найти свои средства саморазвития. Научить ничему нельзя. Можно только научиться. Задача образования - создать условия, позволяющие научиться. Режиссура педагогики, т.е. искусство построения ломки взаимодействий людей в искусственной (игровой) ситуации, поскольку высшая педагогическая ситуация - это ситуация "если бы", по существу искусственная. И хороший педагог - не тот, кто владеет этим материалом, кто знает материал, а тот, кто может в ежесекундно меняющихся обстоятельствах находить единственно правильное решение, кто сумеет сориентироваться в текущей педагогической ситуации.

Опыт педагогического института г, Новосибирска. Набирается группа добровольцев из 20-30 человек. В начале занятий - теоретические лекции руководителей спецсеминаров. Затем студентам предлагается на выбор ряд заданий, в число которых входит:

1. Проведение сюжетно-ролевых игр.
2. Чтение доклада.
3. Моделирование уроков.

Все работы - и игры, и доклады, и уроки – оцениваются, прежде всего, с точки зрения режиссуры, т.е. с точки зрения их логики.

Кроме указанных трех типов игровых заданий на спецсеминаре со студентами проводятся различные психофизические игры и упражнения, взятые из театральной педагогики, социальной психологии и психотерапии. Игры, упражнения разбиты на классы:

1. класс - игры-упражнения на память, внимание и представления,
- 2 класс - игры-упражнения на психологический аспект,
- 3 класс - игры-упражнения на действия,
- 4 класс - игры-упражнения на атмосферу и т.д.

Еще один пример, как обучают студентов-медиков. Госэкзамен: два эксперимента. Как лучше всего можно проверить на экзамене уровень практических навыков выпускников медицинского института, этим вопросом задались сотрудники кафедры внутренних болезней № 2 из первого медицинского института города Санкт-Петербурга и разработали отвечающую этой цели специфику проведения госэкзаменов, которую апробировали на всех терапевтических кафедрах своего института⁷¹.

Но новой методике госэкзамен по внутренним болезням на VI курсе лечебного факультета должен проводиться в два этапа. Первый день - выявление уровня практической подготовки студентов, второй - проверка их теоретических знаний. За каждый раздел - практической части экзамена выставляется оценка, которая вносится в специально разработанную карту практической части госэкзамена; затем из трех оценок выводится общая.

В целом студент затрачивает на практическую часть экзамена до 2 часов 40 минут. Теоретическая часть экзамена сдается по билетам, каждый из которых состоит из трех вопросов. Окончательно экзаменационная оценка выводится по сумме результатов за практическую и теоретическую части экзаменов.

Пример 3.

Вуз призван формировать личность - эта истина неоспорима. Как в условиях инноваций усилить воспитательную функцию учебного процесса с учетом психологических закономерностей формирования личности в ходе усвоения знаний? Как это можно обеспечить? Одно из основных средств - продуманная организация совместной деятельности обучающего и обучаемого с тем, чтобы она приводила к желаемой перестройке личностных

---

⁷¹ Федосеев Г.В., Трофимов В.И. Госэкзамен: два эксперимента // Вестн. высш.щколы. 1988. №7. С.9.

позиций студентов, смысловых ориентиров и переходу на новый уровень усвоения деятельности.

В поисках этих механизмов обратимся к методу совместной продуктивной деятельности преподавателя со студентами, разработанному под руководством профессора В. Я. Ляудиса⁷². В этом методе нас привлекла возможность активизации потенциальных резервов личности студентов, во-первых, путем изменения позиции преподавателя - он становится сотрудником и помощником студентов, строго дозируя на каждом этапе масштабы своей помощи; во-вторых, путем изменения характера учебных задач - введением системы творческих заданий, переходом от сугубо учебных к учебно-профессиональным продуктивным задачам, решение которых облегчается взаимодействием преподавателя со студентами и студентов друг с другом.

На основе проводимого анализа мы выявили новые возможности достижения единства обучения и воспитания. Эти возможности были проверены в ходе эксперимента, который проводился в течение шести лет со студентами I-IV курсов инженерно-экономического факультета института. Задачей эксперимента было подтвердить или опровергнуть в практике обучения иностранному языку гипотезу о том, что совместная продуктивная деятельность преподавателя и студентов, основанная на единстве аудитории и внеаудиторных форм работы, обеспечивает взаимное усиление мотивов как учебно-познавательной, так и учебно-коммуникативной деятельности, а также мотивов динамического общения и приводит к более высоким уровням овладения иностранным языком и развитию творческой активности студентов.

---

⁷² Ляудис В.Я. Продуктивная совместная деятельность учителя с учеником как метод формирования личности // Активные методы обучения педагогическому общению и его оптимизации М., 1983. С. 45.

В экспериментальных группах уровень сформированности у обучаемых речевых умений и навыков оказался гораздо более высоким. Студенты экспериментальных групп обладают большим объемом словаря, более высокой скоростью порождения фраз, у них развито умение соотносить уровни высказывания с его предметом, выше критичность в оценке речемыслительных актов у себя и у товарищей, они делают меньше ошибок в использовании лексико-грамматических средств речи. Совокупность аудиторных и внеаудиторных форм активного межличностного общения при изучении иностранного языка значительно обогащает личность будущего специалиста. Студенты становятся более зрелыми, раскованными, смелыми в своих суждениях и действиях.

Приведенные примеры подтверждают наши размышления о том, что диагностическая функция реалистического социального эксперимента направлена на реализацию, оценку и практическую полезность нововведений, необходимость их экстраполяции на более широкую, социальную реальность в случае положительного результата в контрольной группе.

Рассмотрим еще одну тенденцию в эволюции социального эксперимента, связанную с реализацией прогностической функции. Мы говорили о том, что функция диагностики реалистического социального эксперимента, с одной стороны, направлена на оценку новшества, получение нового качественного состояния социального объекта, с другой стороны, определяет направленность эволюции социального объекта вследствие введения определенных нововведений в процессе экспериментальных операций, определяет границу альтернативных вариантов развития нововведений. На этом уровне альтернативности диагностическая функция как

бы⁷³ меняет свой статус, диалектически переходя в функцию прогностическую, т.е. функцию предвидения.

Известно, что прогнозирование - разновидность научного предвидения, специальное исследование перспектив каких-либо явлений. Научное предвидение будущего являет собой процессуальную процедуру экстраполяции научного знания о прошлом и настоящем на будущее, осуществляемую путем "пропускания" этого знания сквозь эмпирический, теоретический и мировоззренческий "фильтры правильности".

Думается нам, что одним из методов эмпирического "фильтра правильности" является реалистический социальный эксперимент. Проблема состоит в том, что научное прогнозирование, базирующееся на реалистическом социальном эксперименте как специфическом "фильтре", было исследовано именно в этом аспекте соотношения этих двух понятий. Может быть, моделируя ситуацию будущего на любом уровне исследования (макросистемы, либо микросистемы, скажем, трудовой коллектив, семья, научное сообщество и т.д.) следует использовать разнообразные формы социального экспериментирования, от самых несложных натуральных форм до сложнейшего мысленного экспериментирования. Одной из особенностей функционирования нашего общества, на наш взгляд, является, как мы говорим, то, что на любом уровне исследования мы сначала экстраполируем то, что нам кажется удобным и лучшим, а уже потом прибегаем к методу экспериментирования. Но, реализуя свою прогностическую функцию, реалистический социальный эксперимент представляет целый спектр перспективных решений на будущее. Он открывает возможность альтернативного выбора перспектив социального развития не путем вероятностных допущений "проб и ошибок", а путем проверки на

---

⁷³ Философский словарь. М., 1980. С.296.

Андрусенко В.А., Пивоваров Д.В., Алексеев А.С. Экстраполяция в научном познании: специфика и проблемы правильности. Иркутск, 1986. С.105

правильность поиска истины, сведения к минимуму ошибок и просчетов, допуская практическую проверку тех или иных теоретических предположений в строго ограниченных условиях эксперимента пространственно-временных параметрах.

Сегодня принципы социального предвидения и прогнозирования играют огромную роль в решении перспектив социального развития, и, думается, что во многом их научно-теоретическая обоснованность только выигрывает, если они будут базироваться на методе социального экспериментирования.

Итак, в общественной жизни вряд ли можно встретить "чистый" социальный эксперимент. Анализируя понятие социального эксперимента, мы пришли к выводу о существовании в нем реалистического и утопического моментов. Утопические социальные эксперименты содержат реалистический аспект, то есть то, что объективно существует в реальной социальной практике, что существует в наличном бытии.

В реалистическом социальном эксперименте утопический аспект - воплощение идей и принципов утопического идеала, то, что можно вообразить, мысленно сконструировать, на что практически невозможно реализовать. Утопический и реалистический моменты в социальном эксперименте взаимопереплетаются, вступают в противоречие. В результате противоречия происходит диалектической отрицание одного другим; при необходимых условиях, соответствующих теоретическим предпосылкам утопический социальный эксперимент, приобретая черты реальной социальной жизни, трансформируется в реалистический эксперимент.

Практика социального экспериментирования наглядно демонстрирует и обратный вывод: не всякий реалистический эксперимент дает положительные результаты. Причина неэффективности таких экспериментов

- в появлении иррациональных методов, а, следовательно, эксперимент превращается в утопию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги нашего исследования по проблеме теории социального эксперимента.

• I. На основе анализа содержания понятия "социальный эксперимент" мы пришли к выводу, что понятие "социальный эксперимент" - сложное, внутренне противоречивое понятие, отражающее реальный мир субъект-объектных и субъект-субъектных отношений и связей в процессе познания и освоения новой социальной действительности. Особенности подлинно социальных экспериментов являются их уникальность, инновационный характер, направленность на созидание новых форм жизни каждого индивида и общества в целом.

2. В основе социального экспериментирования лежит процесс идеалообразования - духовно-возвеличенное представление о будущем социуме, отражающее реальное бытие в идеальных образах, пытающееся субъективную мечту - прообраз будущей социальной действительности "навязать" реальной практике субъектов. Но процесс идеалообразования не ограничивается конструированием утопического идеала: творчески-созидательная функция сознания способствует образованию общественного идеала в иных формах, воплощенного в исследовательских программах по совершенствованию отдельных сторон социальной жизни.

3. История социального экспериментирования, накопление социального и культурного опыта наглядно подтверждают теоретическое предположение о существовании двух классов социальных экспериментов - реалистических и утопических социальных экспериментов. Критерием различения двух классов социальных экспериментов является процесс идеалообразования, наличие моментов рационального и иррационального в нем.

4. Дальнейшее размышление и анализ конкретных социальных экспериментов приводит к главной идее в работе: понятия "чисто" утопический и "чисто" реалистический социальный эксперимент - абстракции, для которых есть некоторые основания (т.е. можно выделить несколько классических примеров, тех и других в истории - т.е. сравнительно "чистых" утопических и реалистических экспериментов). На самом деле, в каждом социальном эксперименте есть моменты утопии и реальности, но в разном соотношении. В утопическом социальном эксперименте мы находим реалистический аспект, в реалистическом социальном эксперименте есть моменты утопии. Отсюда следует, что утопия обладает некоторой ценностью, в ней есть нечто такое, что при определенных условиях может стать реальным элементом, но и реалистический элемент может быть сомнителен (в нем кое-что в будущем может дать иррациональный эффект и превратиться в утопию).

5. Отсюда следует вывод о диалектике утопического и реалистического аспектов в социальном эксперименте: объективные условия, теоретические предпосылки, уровень подготовки и организации социального эксперимента обуславливают доминирование одного из аспектов, определяющего сущность и характер всего эксперимента.

6. Итоги социального эксперимента могут быть эффективными, но расширение этого социального эксперимента на все общество - утопия. Эволюция циклов всеобщей практической и развивающейся жизни, многообразие реальной жизни общества настолько всякий раз видоизменяет структуру и организацию отдельного социального эксперимента, что в каждом конкретном случае результаты экспериментирования и соответствующие теоретические выводы оказываются неповторимыми и слабо сравнимыми с итогами, казалось бы, аналогичных опытов.

7. Диалектика реалистического и утопического аспектов в социальном эксперименте находит свое выражение в функциональном разнообразии утопических и реалистических экспериментов и их тенденциях развития.

8. На современном этапе развития общества, в условиях модернизации всех сфер социума, социальное экспериментирование является важнейшей формой инновационной практики, и как следствие, способом преобразования общественных отношений, экономического базиса, научного потенциала, духовно- нравственных норм и ценностей в соответствии с инновационными целями и задачами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверин А.Н. Социальный эксперимент и его роль в управлении [Текст]: моногр./ А. Н. Аверин. М.; Политиздат, 1979. 131 С.

Алексеев В.П. Практика: ее сущность и структура // Вестн. Моск. ун-та. 1988. № 3.

Алексеев М.И. Экономический эксперимент: социальные аспекты [Текст]: моногр./ М.И. Алексеев. М.; Мысль, 1987. 252 С.

Аллахвердян С.Д. Природа социальных понятий [Текст]: моногр./ С.Д. Аллахвердян. Ереван; АН Арм. ССР, 1989. 136 С.

Андерсон К.М. Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений [Текст]: коллект. моногр./ К.М. Андерсон, А.К. Бондарев, И.Б. Градинар. Ленинград; Изд-во ЛГУ, 1988. 152 С.

Андерсон К.М. Оуэнисты в Британии: утопический социализм и общественное движение в Англии 1810-1830 [Текст]: моногр./ К.М. Андерсон. М.; Наука, 1989. 310 С.

Андреев Ю.П. Социальные институты: содержание, функции, структура [Текст]: коллект. моногр./ Ю.П. Андреев, Н.М. Коржевская, Н.Н. Костина. Свердловск; Изд-во Уральского ун-та, 1989. 84 С.

Андрусенко В.А. Экстраполяция в научном познании: специфика и проблема правильности [Текст]: коллект. моногр./ В.А. Андрусенко, Д.В. Пивоваров, А.С. Алексеев. Иркутск; Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 114 С.

Антипов Г.А. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы [Текст]: коллект. моногр./ Г.А. Антипов, А.Н. Кочергин. Новосибирск; Наука, 1988. 257 С.

Арефьева Г.С. Социальная активность [Текст]: моногр./ Г.С. Арефьева. М.; Политиздат, 1974. 230 С.

Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента [Текст]: моногр./ А.В. Ахутин. М.; Мысль, 1976. 292 С.

Бакулов В.Д. Утопизм как превращённая форма выражения социального идеала // Вестник РФО. 2002. № 4.

Барулин В.С. Социальная жизнь общества. Вопросы методологии [Текст]: моногр./ В. С. Барулин. М.; Мысль, 1987. 85 С.

Барулин В.С. Соотношение материального и идеального в обществе [Текст]: моногр./ В. С. Барулин. М.; Мысль, 1977. 198 С.

Баталов Э.Я. В мире утопии [Текст]: моногр./ Э.Я. Баталов. М.; Политиздат, 1989. 315 С.

Белик А.П. Социальная форма движения: явления и сущность [Текст]: моногр./ А.П. Белик. М.; Наука, 1982. 270 С.

Бергсон А. Здравый смысл и классическое образование // Вопросы философии. 1990. № 1.

Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии [Текст]: моногр./ Н.А. Бердяев. М.; Мысль, 1991. 318 С.

Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования [Текст]: моногр./ И.В. Бестужев-Лада. М.; Наука, 1979. 311 С.

Бикметова Т.И. К вопросу о понятии "эксперимент" // Логико-философские исследования. 1989. № 1.

Блох А. Утопия и утопическое мышление [Текст]: коллект. моногр./ А. Блох, Г. Ганс, Л. Мелвин. М.; Прогресс, 1991. 403 С.

Богданов Р.Г. Незнакомый Израиль // Аргументы и факты. 1989. № 46.

Бойченко И.В. Социальное познание: принципы, формы, функции [Текст]: коллект. моногр./ И.В. Бойченко, В.И. Куценко. Киев; Наукова Думка, 1989. 199 С.

Бутенко А.П. О социально-классовой природе сталинской власти // Вопросы философии. 1989. № 3.

Быков В.В. Научный эксперимент [Текст]: учеб. пособие / В.В. Быков. М.; Наука, 1989. 174 С.

Бэкон Ф. Великое восстановление наук. [Текст]: моногр./ Ф. Бэкон. М.; Мысль, 1977. 590 С.

Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание [Текст]: моногр./ М. Вартофский. М.; Прогресс, 1988. 506 С.

Ватин И.В. Человеческая субъективность [Текст]: моногр./ И.В. Ватин. Ростов-на-Дону.; Изд-во Ростовского ун-та, 1984. 215 С.

Володин А.И. Утопия и история [Текст]: моногр./ А.И. Володин. М.; Политиздат, 1976. 214 С.

Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст]: моногр./ Х.Г. Гадамер. М.; Прогресс, 1988. 690 С.

Гегель Георг В.Ф. Философия духа [Текст]: моногр./ Георг В.Ф. Гегель. М.; Мысль, 1977. 480 С.

Геллер Л. Утопия в России [Текст]: коллект. моногр./ Л. Геллер, М. Нике. М.; Гиперион, 2003. 312 С.

Гранин Ю.Д. Марксизм: утопия или научный проект? // Философские науки. 1991. № 3.

Духанин В.М. Формирование социального знания [Текст]: моногр./ В.М. Духанин. Саратов; Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 140 С.

Житенев В.Б. От единомыслия к плюрализму // Социализм и Россия. 1990. № 5.

Жуковский В.И. Визуальное мышление в структуре научного познания [Текст]: коллект. моногр./ В.И. Жуковский, Д.В. Пивоваров, Р.Ю. Рахматуллин. Красноярск; Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 179 С.

Зеленов Л.А., Макарычев С.П. Экстраполяция и эксперимент // Вопросы философии. 1967. № 4.

Каган М.С. Мир общения [Текст]: моногр./ М.С. Каган. М.; Политиздат, 1988. 319 С.

Кампанелла Т. Город Солнца [Текст]: моногр./ Т. Кампанелла. М.; Прогресс, 1947. 251 С.

Кант И. Сочинения в шести томах. Том 3 [Текст]: моногр./ И. Кант. М.; Философское наследие, 1964. 799 С.

Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика [Текст]: моногр./ П.Л. Капица. М.; Наука, 1987. 341 С.

Каракозова Э.В. Моделирование в общественных науках: философско-методологические проблемы [Текст]: моногр./ Э.В. Каракозова. М.; Высшая школа, 1986. 290 С.

Карпинская Р.С. Особенности современного биологического эксперимента // Эксперимент. Модель. Теория [Текст]: сб. ст./ под ред. Р.С. Карпинской. М.; Наука, 1982. 520 С.

Кемеров В.Е. Методология обществознания: перспективы и проблемы // Вопросы философии. 1983. № 12.

Ким В.В. Гносеологическая сущность социального эксперимента // Анализ системы научного познания [Текст]: сб. ст./ под ред. Е.И. Кочеткова. Свердловск, 1984. 118 С.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России [Текст]: моногр./ А.И. Клибанов. М.; Наука, 1978. 690 С.

Клопов В.Ф. Проблема субъективного фактора // Философские науки. 1988. № 11.

Козлова Н.М. Проблема методологии социального познания // Вопросы философии. 1984. № 7.

Колеватов В.А. Социальная память и познание [Текст]: моногр./ В.А. Колеватов. М.; Мысль, 1984. 211 С.

Колесниченко Т. А. Эксперимент в Лондоне. // Правда. 1989. 24 июня.

Копалов В.И. Принцип историзма в социальном познании [Текст]: моногр. В.И. Копалов. Свердловск; Изд-во Уральского ун-та, 1991.- 172 С.

Коршунов А.М. Диалектика социального познания [Текст]: коллект. моногр./ А.М. Коршунов, В.В. Мантатов. М.; Политиздат, 1988. 321 С.

Круг Г.К. Современное состояние и перспективы развития планирования и автоматизации эксперимента в научном исследовании [Текст]: моногр./ Г.К. Круг. М.; Мысль, 1974. 180 С.

Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 5.

Куприян А.П. Проблема эксперимента в системе общественной практики [Текст]: моногр./А.П. Куприян. М.; Наука, 1981. 166 С.

Кутырев В.А. Современное социальное познание [Текст]: моногр./ В.А. Кутырев. М.; Мысль, 1988. 217 С.

Лапицкий В.В. Структура и функции субъекта познания [Текст]: моногр./ В.В. Лапицкий. Л.; Изд-во ЛГУ, 1983. 181 С.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание [Текст]: моногр./ В.А. Лекторский. М.; Высшая школа, 1965. 122 С.

Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10.

Лопатников Л.И. Экономические эксперименты в промышленности [Текст]: учеб. пособие/ Л.И. Лопатников. М.; Экономика, 1968. 103 С.

Львов С.Л. Гражданин Города Солнца. Повесть о Томмазо Кампанелле [Текст]: моногр./ С. Л. Львов. М. Политиздат, 1979. 437 С.

Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии [Текст]: моногр./ К.Н. Любутин. М.; Высшая школа, 1981. 364 С.

Любченко В.С. К проблеме генезиса естественно-научного эксперимента // Философские науки. 1987. № 3.

Маркова Е.В. Планирование эксперимента в условиях неоднородностей [Текст]: коллект. моногр./ Е.В. Маркова, В.П. Лисенков. М.; Политиздат, 1973. 189 С.

Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. 2006. № 1.

Мор Т. Утопия [Текст]: моногр./ Т. Мор. М.; Наука, 1978. 403 С.

Мортон А.Л. Английская утопия [Текст]: моногр./ А.Л. Мортон. М.; Прогресс, 1956. 420 С.

Мудрагей И.С. Рациональное и иррациональное [Текст]: моногр./ И.С. Мудрагей. М.; Мысль, 1985. 112 С.

Налимов В.В. Логические основания планирования эксперимента [Текст]: коллект. моногр./ В.В. Налимов, Т.И. Голикова. М.; Metallургия, 1981. 214 С.

Налимов В.В. Теория эксперимента [Текст]: моногр./ В.В. Налимов. М.; Наука, 1971. 159 С.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале [Текст]: моногр./ П.И. Новгородцев. М.; УРСС, 1991. 640 С. 1917.

Новиков В.Г. Мысленный эксперимент в социальном действии //Философские науки. 1990. № 7.

Овчинникова О.В. О некоторых путях экспериментального исследования мотивации человека, открываемых концепций деятельности// А.П. Леонтьев и современная психология [Текст]: сб. ст./ под ред. В.П. Зинченко. М.; Прогресс, 1983. 157 С.

Пивоваров Д.В. Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма // Отношение человека к иррациональному [Текст]: сб. ст./ под ред. Д.В. Пивоварова. Свердловск; Изд-во Уральского ун-та, 1989. 163 С.

Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа [Текст]: моногр./ Д. В. Пивоваров. Свердловск; Изд-во Уральского ун-та, 1986. 129 С.

Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия [Текст]: моногр./ А.И. Пригожин. М.; Политиздат, 1989. 271С.

Пригожин И. Р. Порядок из хаоса [Текст]: коллект. моногр./И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. М.; Прогресс, 1986. 319 С.

Пукшанский В.Я. Обыденное знание [Текст]: моногр./ В.Я. Пукшанский. Л.; Изд-во ЛГУ, 1987. 152 С.

Рункова Г.Г. Полный факторный эксперимент [Текст]: моногр./ Г.Г. Рункова. Свердловск; Изд-во Уральского ун-та, 1984. 151 С.

Рывкина Р.В. Социальный эксперимент [Текст]: коллект. моногр./ Р.В. Рывкина, А.В. Винокур. Новосибирск; Наука, 1968. 173 С.

Сагатовский В.М. Об эмпирическом базисе философии // Философские науки. 1988. № 12.

Сачков Ю.В. Научный метод, вопросы его структуры // Вопросы философии. 1983. № 2.

Святловский В.В. Каталог утопий [Текст]: моногр./ В.В. Святловский. М.-Пг.; 1923. 5 С.

Сивоконь П.Е. Эксперимент и его теоретические предпосылки // Проблема взаимосвязи общественных и естественных наук [Текст]: сб. ст./ под ред. З.В. Кагановой. М.; Прогресс, 1987. 85 С.

Смирнов С.А. Понятие режиссуры игры в педагогике // Вестник высшей школы. 1987. № 6.

Стоппард Т. Берег утопии [Текст]: моногр./ Т. Стоппард. М.; Иностранка, 2006. 479 С.

Сухомлинский В.А. Родина в сердце [Текст]: моногр./ В.А. Сухомлинский. М.; Молодая гвардия, 1980. 175 С.

Темкин К. Судьба эксперимента // Уральский университет. 1989. 16 января.

Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации [Текст]: моногр./ М.И. Туган-Барановский. М.; Мысль, 1989. 411 С.

Ульянов М. В чем суть эксперимента? // Уральский университет. 1990. 10 марта.

Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. Социализм и "культ личности". (Очерки теории) [Текст]: моногр./ З.И. Файнбург. М.; Политиздат, 1991. 319 С.

Федосеев Г.Б. Госэкзамен: два эксперимента // Вестник высшей школы. 1988. № 7.

Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение [Текст]: моногр./ В.П. Фофанов. Новосибирск; Наука, 1986. 188 С.

Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6.

Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1.

Хагуров А.А. Гносеологическая роль социального эксперимента в системе практической деятельности // Философские и социологические проблемы человеческой деятельности [Текст]: сб. ст./ под ред. А.А. Хагурова. Краснодар; Изд-во Кубанского ун-та, 1984. 168 С.

Хагуров А.А. Социальный эксперимент: логико-методологические и социальные проблемы [Текст]: моногр./ А.А. Хагуров. Ростов-на-Дону; Изд-во Ростовского ун-та, 1989. 152 С.

Чаликова В.А. Настоящее и будущее сквозь призму утопий // Современные буржуазные теории общественного развития. [Текст]: сб. ст./ под ред. В.А. Чаликовой. М.; Мысль, 1984. 213 С.

Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания // Вопросы философии. 2001. № 7.

Чоран Э.М. После конца истории: Философская эссеистика [Текст]: моногр./ Э.М. Чоран. СПб.; Симпозиум, 2002. 544 С.

Швырев В.С. К проблеме специфики социального познания // Вопросы философии. 1972. № 3.

Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании [Текст]: моногр./ В.С. Швырев. М.; Наука, 1978. 382 С.

Швырев В.С. Научное познание как деятельность [Текст]: моногр./ В.С. Швырев. М.; Политиздат, 1984. 229 С.

Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания [Текст]: моногр./ В.А. Штофф. М.; Наука, 1978. 348 С.